

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ КУЛАКОВ
НАСЛЕДНИК

Рюрикова кровь

Алексей Кулаков

Наследник

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Кулаков А. И.

Наследник / А. И. Кулаков — «АЛЬФА-КНИГА»,
2014 — (Рюрикова кровь)

ISBN 978-5-9922-1852-7

Московская Русь шестнадцатого века... Смутное и тяжелое время. С юга рубежи молодой державы постоянно пробовало на прочность Крымское ханство, с запада – королевство Шведское и Великое княжество Литовское, по стране время от времени прокатывались эпидемии и неурожай, да и иных невзгод хватало. Кровь людская лилась что водица!.. Однако нашему современнику по имени Виктор, волей случая оказавшемуся в прошлом, можно сказать, крупно повезло, потому как в новой жизни семья ему досталась хорошая. Большая, крепкая, дружная! Семья великого государя, царя и великого князя всея Руси Иоанна Васильевича, за живость характера и исключительное миролюбие прозванного Грозным...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1852-7

© Кулаков А. И., 2014
© АЛЬФА-КНИГА, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алексей Кулаков

Наследник

Посвящается моей супруге Евангелине, красивой, терпеливой и нежной половинке моей души...

Пролог

– Ну что же, неплохо. Я бы даже сказал – очень хорошо!

Врач еще раз посмотрел результаты анализов и сноровисто защелкал клавишами древней клавиатуры, внося в личное дело больного очередную запись.

«Последние десять лет я от вас, эскулапов, другого и не слышал. С тех самых пор, как обнаружили рак и вырезали половину желудка к чертям собачьим. Только и говорят, что все неплохо или даже вообще хорошо... А чувствую себя все хуже и хуже. Видимо, надо понимать так – вы неплохо приблизились к могиле, уважаемый пациент. Так держать!»

Черный юмор – это было одно из немногих удовольствий, доступных сидящему на приеме в онкологической клинике мужчине. Все остальные радости жизни в основном проходили по разряду «бывшие». Как и сам он. Бывший слесарь, токарь, да и вообще мастер на все руки. Даже металлург! Довелось как-то три года поработать в литейном цеху родного машиностроительного завода, пока в техникуме на заочном учился. Трижды бывший муж. Но самое главное – он ни единого раза не был счастливым отцом...

– Так. Вот это отдадите в нашей аптеке провизору, будет готово в следующий четверг. А вот это вы уж сами. Остальное как обычно, всего хорошего.

Выйдя в коридор, основательно пропитанный специфическим запахом хлорки и прочих больничных запахов, пожилой мужчина посторонился, пропуская в кабинет следующего в очереди. Вдохнул и без особой спешки похромал по хорошо знакомому маршруту – отоваривать исписанные непонятной латынью рецепты. С некоторых пор (особенно после химиотерапии) лекарства прочно вошли в его жизнь, став ее неотъемлемой частью: два раза в день, рано утром и поздно вечером, он глотал желтоватые горошины таблеток и очень радовался, что их только две. А не двадцать две и за один раз. Еще у него как-то незаметно появилась привычка постоянно молчать – все равно ведь разговаривать не с кем. Друзей-товарищей по жизни было достаточно, да только все они разбросаны по необъятным просторам бывшей империи Советов. Так, иногда письма приходят, да и то все реже и реже – увы, время не щадит никого. Вот и родители умерли, так и не дождавшись от единственного сына внуков. А жены?..

Проводив глазами тройку мальчишек, обогнавших его на тротуаре, Виктор непринужденно вздохнул. М-да. Семейная жизнь у него как-то и не сложилась. Нет, какое-то время все было хорошо, но стоило только женам узнать, что детей от него ждать не стоит... Дольше всех прожил с последней, третьей по счету. Целых пять лет. А ведь поначалу он только радовался, что предохраняться не надо!

«Потому что дурак был, и мозгов не хватило. Сам не можешь – так возьми и усынови из детдома маленькую ляльку. Или даже двух. Эх, раньше бы!»

За лекарствами пришлось постоять – впрочем, Виктор Николаевич все равно никуда не торопился. Выйдя на широкое крыльцо поликлиники, он первым делом уточнил, который нынче час, после чего все той же прихрамывающей походкой отправился к остановке, раздумывая по пути. Не о здоровье, как можно было бы ожидать, – нет. О том, собрали ли ему в областной публичной библиотеке, где он уже давно стал завсегдатаем, заказанные книги. А

также о том, получится ли у него хоть когда-нибудь приблизиться к разгадке небольшой, но такой важной для него тайны. Тайны своих снов...

Глава 1

Когда мужику в возрасте «сильно за полтинник», воспитанному в классических традициях научного атеизма, приходят навязчивые сны о том, что он трехлетний мальчик, остается два выхода. Принять как факт, что собственная шизофрения цветет и крепнет прямо на глазах, – после чего безотлагательно напроситься на постой в профильное медучреждение. Или никуда не обращаться и тихо надеяться, что все как-нибудь рассосется само собой. Ну или с помощью народных сорокаградусных средств. Виктор выбрал второй вариант и довольно скоро выяснил, что водка абсолютно бесполезна. Как и вообще любые спиртосодержащие жидкости. Таблетки, от снотворного до успокаивающего, тоже. А вот фитотерапия, которую он попробовал совершенно случайно (вернее, просто от отчаяния), неожиданно помогла – сны хотя и не ушли совсем, но их содержание забывалось буквально сразу после пробуждения. За следующие два года Виктор из пользователя-«чайника» превратился в настоящего эксперта по лекарственным травам, грибам-ягодам и прочим полезным (и не очень) дарам природы, а также самым экзотическим смесям на их основе, – и все это благодаря здоровому восьмичасовому сну. Вернее, непрерывным попыткам сделать его таковым. Побочным, и очень приятным, эффектом невольного хобби стал отказ от половины лекарств, положенных ему по его многочисленным болячкам. И ведь не сказать, что он так уж резко оздоровел, – нет, конечно. Просто (как удалось выяснить опытно-экспериментальным путем) правильно составленный и заваренный сбор взаимодополняющих друг друга трав достаточно уверенно заменяет патентованную химию из аптеки. С приятными побочными эффектами вроде повышенной бодрости и хорошего самочувствия. К очень большому сожалению мастера-самоучки, остановиться на достигнутом и наслаждаться заслуженным успехом никак не получалось: месяца два-три, самое большее четыре – и очередной настой, экстракт или отвар «приедался». После чего сны опять становились... Н-да. Сны. Удивительнейшие, каждый раз в чем-то одинаковые и в то же время неувлимо разные, пугающие своей реалистичностью и сочными красками. А особенно «послевкусием» в виде непонятно откуда приходящих желаний и даже (как это ни удивительно!) умений. В качестве самого заметного примера таких желаний можно было привести немотивированно сильный интерес к конному спорту, а заодно и фехтованию. Причем (как это ни странно) только и исключительно саблей. Иногда тело прямо требовало взять в руки хорошо отточенную железку и всласть ею помахать – с тонким свистом пластаемого воздуха, резкими движениями, с обязательной сладкой истомой в натруженных мышцах.

С умениями было еще занятнее. Так как второе место самых заметных странностей прочно занимала невероятная, просто фанатичная тяга к посещению церкви, причем не раз в месяц или даже в неделю. Нет, каждый день, да еще желательно и утром, и вечером! То как-то совсем неожиданно выяснилось, что некоторые молитвы у него, как говорится, просто от зубов отскакивают. Правда, крест налагается почему-то исключительно двуперстием. А проrezавшееся в один прекрасный день знание церковнославянского? И ладно бы просто знание – нет, он на нем (пусть весьма коряво и с заметным усилием) ЧИТАЛ и ПИСАЛ! После всего этого совсем не удивляла появившаяся вдруг привычка цитировать вслух отрывки из такой очень специфичной литературы, как «Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба». Разумеется, исключительно на старославянском. Отчего все, кто это слышал, сразу начинали интересоваться – какую семинарию закончил батюшка и почему же он одет не по-«уставному»? Где положенная ему борода? Да и крест свой зачем-то запрятал – отринули от сана, что ли?

Ну а третьей странностью, вовсе уж не понятной, было то, что изредка ему виделось странное свечение вокруг собственных рук. Накатывало легкое тепло, приятно покалывало кожу...

Впрочем, были во всем этом и исключительно хорошие моменты. Иногда в голове проявлялись обрывки эмоций – невероятно, невозможно чистых и ярких. Таких, о которых сам он давно уже позабыл, омывающих его огрубевшую и порядком зачерствевшую душу потоком живительной влаги. Смех и обида, любопытство и настороженность, ликующая радость и подлинное горе... Соседи иногда косились – степенный вроде мужчина, а ходит весь день и улыбается, прямо как полоумный. Ну или там посреди разговора возьмет и нахмурится, чуть ли не заплачет.

– Передаем за проезд!

Хрипящий баритон вырвал Виктора из его мыслей и заставил вскинуть голову. И тут же констатировать, что он в очередной раз незаметно для самого себя добрался до остановки. После чего, не останавливаясь, чуть было не залез в троллейбус, идущий в обратном направлении от Публичной библиотеки. Впрочем... Ему подходил и этот маршрут, так как «своим» Виктор стал не только в областном собрании книг, но и в краеведческом (иного, увы, в городе не было) музее, попутно обзаведясь полезными знакомствами среди ученых-историков. Да и сам уже стал разбираться в реалиях и бытовых мелочах четырнадцатого-семнадцатого веков на весьма хорошем уровне – спасибо собственной шизофрении. Правда, попутно пришлось перелопатить и не желая того запомнить просто море ненужной информации... С другой стороны – а чем еще заниматься пенсионеру? Все лучше, чем днями глядеть в телевизор. Тем более что разбираться в свершениях и делах дней минувших оказалось очень занятно, а личный интерес и вовсе делал каждый прожитый день чертовски увлекательным!

«Ну что, в библиотеку или в музей?»

Легкое бурчание в животе заставило вспомнить, что кружка кефира и сдобная булочка утром никак не заменят хорошего обеда днем. И уж тем более вечером, но до таких крайностей Виктор еще никогда не доходил. Мысленно сосчитав наличность, он все же сделал свой выбор – музей! Конечно, рядом с библиотекой тоже было где перекусить, но в его возрасте рисковать остатками здоровья не хотелось.

«Эх, были времена студенческие! Какую только дрянь не жрал, прости господи, и ни разу кишки не болели. Золотые годы!..»

Желудок опять напомнил о себе раздраженным бурчанием.

«Да иду я уже, иду!»

Пять лет спустя...

– Николаич, ты дома? А? Да вы проходите, чего стоять-то на пороге.

Услышав не по годам звонкий (и при этом отменно визгливый) голос соседки, Виктор едва слышно вздохнул. А различив чьи-то шаги, и вовсе отложил в сторонку одну из своих любимых книг, зачитанную даже не до дыр – до полнейшей потери родного переплета. Впрочем, хуже от этого небольшой труд одного хитроумного итальянца по имени Никколо не стал. Пожалуй, вполне можно было сказать, что новая обертка получилась даже лучше прежней, типографской – самодельная, из толстой кожи и с потертыми латунными уголками, она придавала невзрачной до того книжке вид настоящей рукописи. И не просто настоящей, а еще и довольно часто читаемой, хотя далеко не все идеи Макиавелли были верными, но все же кое-какое рациональное зерно в них имелось. И именно это заставляло читателя раз за разом возвращаться к потрепанным страницам и думать. А еще вспоминать. Все то, чему он был свидетелем в последние двадцать лет, – перестройка, путч, ускоренная демократизация... Все же верно говорят о том, что все новое – это всего лишь хорошенько забытое старое.

– Вот ты где, Николаич! А к тебе тут человек из города.

Плечистый, подтянутый, но при этом как-то странно скособоченный мужчина неопределенно кашлянул и вопросительно уставился на хозяина. Который почему-то был совсем не похож на деревенского знахаря-костоправа – скорее уж на какого-нибудь профессора ну или

библиотекаря. Кстати, последнее косвенно подтверждалось и подлинным изобилием печатных изданий, полки с коими покрывали почти все стены немаленького дома.

– Имя у человека есть?

Под тяжелым взглядом пожилого «библиотекаря» приезжий непроизвольно вытянулся (вернее, попытался это сделать) и глухо представился:

– Георгий.

– Возделывающий землю, значит?... В каком звании?

Мужчина странно дернул головой и с нотками изумления ответил:

– Капитан.

Виктор подошел поближе и как-то странно повел рукой, на мгновение расфокусировав взгляд. Еще раз оглядел просителя (а кем еще он мог быть?) и задумчиво пробормотал:

– Спина?

Коротко глянул на пышущую здоровьем и неумным любопытством соседку и опять разомкнул губы:

– Иди, Лида.

Недовольно поджав тонкие губы, главная активистка и общественница деревни резко развернулась и поплыла на выход, всем своим видом показывая – как не было, так и нету на свете людской благодарности. Нет, Лидия Ильинична запросто могла бы и поскандальить насчет того, что ее так бесцеремонно выставляют за порог, но именно в этом доме делать сие было весьма и весьма чревато. Ближайшая больница в пятидесяти километрах, и до нее еще и доехать надо, – а Николаич всегда под рукой. Отварчику даст, рукой поводит – болячки как не бывало! А если сам сделать ничего не может, так говорит об этом честно и к врачу направляет, причем его предварительный диагноз, сделанный без всяких там рентгенов и анализов, всегда подтверждался. Только последнюю пару месяцев он все чего-то не в духе... Нет, вообще-то и до этого мог так глазищами своими зыркнуть, что любой на месте обмирал, но теперь его взгляд и вовсе стало невозможно выдержать. Как-то еще молоко по деревне не скисает?..

Услышав тоненький скрип разошедшейся калитки, травник (по крайней мере, сам он предпочитал называть себя именно так) неслышно вздохнул и сел напротив нежданного гостя.

– Давно болит?

Капитан как-то рвано кашлянул, но ответил все же предельно спокойно:

– Два года.

– Встань. Повернись. Подними правую руку. Вот здесь и здесь у тебя немеет и перехватывает. Верно? Садись.

Страхнув руки, словно бы они побывали в воде, хозяин дома спокойно поинтересовался:

– А что говорит наша бесплатная медицина?

Медицина, как это ни удивительно, говорила исключительно матом. И капитан, в меру своих скромных сил и возможностей, постарался это доказать.

– Меньше экспрессии, молодой человек, меньше. Карточку не догадались с собой прихватить? Вот и славно. Так, что у нас здесь?

Видя, как обычный деревенский знахарь бегло читает мертвую латынь, написанную к тому же на редкость неразборчивым «врачебным» почерком, Георгий не выдержал:

– Прости... те. Кха! Скажи, отец. – В глазах военного мелькнул едва заметный отблеск надежды. – Мне можно помочь? – И, по-своему истолковав тягучее молчание, спокойно добавил: – Любую цену.

Виктор Николаевич мельком поглядел на гостя незваного и вернулся к пролистыванию весьма пухлой медицинской карточки, а капитану-мотострелку ничего не оставалось, кроме как терпеливо ожидать окончательного вердикта. Пять минут, десять... Чтобы хоть как-то отвлечься от тоскливой тишины, Георгий заскользил взглядом по книжным богатствам хозяина, все больше и больше удивляясь сельскому «экстрасенсу»: на слегка потемневших от вре-

мени полках спокойно соседствовали «Фауст» философа Гете и «Наука побеждать» генералиссимуса Суворова; самоучитель санскрита лежал на «Истории государства Российского»; краснел затертой обложкой «Большой анатомический атлас», оттеняя своим видом невзрачное, но не менее толстое издание «Месторождения Южного Урала». Коя, в свою очередь, совсем загрозила собой «Занимательную химию» и еще какое-то пособие из разряда «сделай-ка, милоч, все сам!».

С трудом оторвавшись от разглядывания всей этой пестрой книжной палитры, мужчина повернул голову обратно – и замер, наткнувшись на небольшой столик, на котором вальяжно возлежал дорогуший даже на вид ноутбук. Задумчиво помаргивал огоньками радиомодем, рядом с ним высилась немалая стопка дисков... Вот тебе и деревенский дедушка-пенсионер!

– Возьми. Сиди спокойно.

Приняв обратно толстую историю своих болезней, проситель (а в этом уже никто и не сомневался) послушно замер. Но глазами ему шевелить не запрещали и уж тем более не могли запретить смотреть в небольшое зеркало, висящее как раз напротив, – и он глядел, как хозяин опять водит по воздуху рукой. Не быстро и не медленно, вдоль спины, иногда останавливая ладонь в районе лопаток и поясницы. Наконец непонятное действие закончилось, и деревенский знахарь вынес вердикт – правда, сделал он это на чистейшей латыни.

– А?

Переход на русский тоже не помог. Нет, по отдельности слова звучали вроде бы и знакомо, но вместе складывались в такую тарабарщину!

– Отец, я же человек военный, мозгами не обремененный, мне бы попроще. А?..

– Ходить тебе на ногах от силы год, потом коляска понадобится. Так понятней?

Удар судьбы капитан принял достойно, разве что уголок рта покривил.

– Поможешь?

Но вредный дед опять проигнорировал вопрос, вместо ответа задав свой:

– Женат?

– Уже нет.

Повинуясь требовательному взгляду, Георгий добавил подробностей:

– Еще семь лет назад разбежались.

– Дети?

– Нету. Отец, не крути, скажи как есть!.. Можешь помочь или нет?

Хозяин дома немного прошелся, раздумывая, затем протянул с непонятной интонацией:

– Любую цену?.. Хорошо. Усыновишь ребенка – вернешь здоровье.

– Чего?!

Будто не слыша возгласа, Виктор Николаевич опять зашел за спину и легко коснулся позвоночника. Побледнел, сгорбился... И тихо договорил:

– Надумаешь – приходи.

Разочарованный и (чего греха таить) едва сдерживающий матерные слова мужчина кое-как встал со стула. И замер. Мучительница-боль исчезла!..

– Это ты как это, а?

– Иди.

Много слышал приказов капитан, еще больше отдал сам, но таких, когда вначале начинаешь выполнять, а потом осознаешь, что именно!.. Таких на его памяти было маловато. При- тормозить ему удалось только у калитки, а полностью остановиться – уже за нею. Постоял. Подумал, время от времени поводя плечами и проверяя, не ушла ли подзабытая легкость движений (а ведь потихонечку уходила!), и решительно пошел к ожидающей его машине – назначенная цена его устраивала.

Три месяца спустя...

– Эй, отец, принимай гостей дорогих!

На сей раз бравого офицера подвезли прямо к ограде дома, и ковылять ему через пол-села никакой нужды не было. С ясно видимой натугой (зато самостоятельно!) покинув узик грязно-зеленого цвета и с облегчением утвердившись на всех трех ногах (за последнюю была палочка-трость), Георгий облегченно вздохнул. Затем бросил взгляд на заднее сиденье и тут же зашипел на друга, громко хлопнувшего дверцей с другой стороны. Настороженно замер – но нет, дети и не думали открывать глаз. Разморенные и утомленные вначале ранним подъемом, затем долгой дорогой, а еще вдобавок и августовской жарой, разнополые, но удивительно схожие меж собой близняшки довольно забавно и в унисон посапывали курносыми носиками. Маленькие ангелочки...

– Спят?

– Тшш!..

– Сам ты тш! Иди давай к своему «экстрасексу», пока псины местные не набежали, – уж они-то им быстро побудку устроят.

Молчаливо согласившись с последним утверждением, бравый капитан проковылял сквозь тихонько скрипнувшую калитку, отдал дань вежеству, раза три-четыре постучавшись в дверь, и, не дождавшись никакой ответной реакции, прошел внутрь. Миновал небольшие сени-прихожую, прошел насквозь первую комнату и обнаружил хозяина спокойно сидящим в новеньком дорогом кресле-качалке. Учитывая закрытые глаза и руку, покоящуюся на очередной книжке с неразборчивым названием, можно было предположить, что его или сморило от долгого чтения, или он просто дает отдохнуть глазам.

– Кхм...

Никакого отклика на негромкий звук не последовало, и Георгий повторил свой кашель на бис – и на сей раз гораздо громче и ближе к ушам спящего старичка.

– Кхе!!!

И еще раз. И еще. Пока морщинистые, набрякшие веки не дрогнули, открывая совсем не сонные глаза. Тоскливые, недовольные, невероятно пронзительные и удивительно спокойные. Иссохшие губы шевельнулись, выпуская непонятные в своей бессмыслице слова:

– Опять серая хмарь. Что же с ним случилось?

– Отец?..

Совсем не шевеля головой, деревенский целитель охватил его взглядом и без удивления констатировал:

– Ты.

– Я, отец, я.

– Зачем приехал, Возделывающий землю?

В очередной раз подивившись (про себя) величине и обилию тараканов в голове собеседника, капитан пожал плечами.

– Решился?

Не дожидаясь ответа, впился своими глазами в глаза гостя и через мельчайшее мгновение сам же себе и ответил:

– Вот даже как.

Помолчал, затем попросил-приказал:

– Похвались, воин, прибавлением в семействе.

Следуя за хозяином дома к машине, Георгий все никак не мог отделаться от ощущения того, что в прошлый раз фигура знахаря была заметно плотнее, а походка – легче и энергичнее.

«Болеет, что ли?»

А затем терпеливо ожидал, пока тот вдосталь насмотрится на недавно обретенных, но уже по-настоящему дорогих сына и дочку. Одновременно вспоминая, каких нервов и взяток ему стоило оформить все документы, и тихо радуясь. Тому, что смог, успел, настоял и получил свою

награду. Даже если старик соврал и его в дальнейшем ждет невеселое существование калеки-пенсионера, два его сокровища, его солнышко и луна – они останутся при нем и будут светить ему в радости и печали. Следовательно, и жизнь его приобретет новые краски и новый смысл.

Установившуюся тишину нарушил пробегающий по своим собачьим делам небольшой кобелек, но не лаем. Сделав небольшой крюк, безмянная и изрядно лохматая псина осторожно ткнулась носом в бедро пожилого мужчины и радостно фыркнула, бешено молотя в воздухе огрызком хвоста. Замерла, принимая немудреную ласку, а потом как ни в чем не бывало потрусила себе дальше.

Вздыхнув, травник достал из кармана своей безрукавки небольшой блокнотик с карандашом и с минуту что-то писал. Затем с удивительно звонким треском вырвал страничку и протянул счастливому отцу:

– Все, что в списке, можно купить в любой городской аптеке. Сам с детьми ко мне в дом. Начинаем сразу, как прибудет заказанное.

Закончив последнюю фразу, он спокойно развернулся и ушел, оставив калитку открытой, а капитана и его друга-сослуживца в полнейшем недоумении.

– Чудной дед. А, Жора?

Тот только отмахнулся, с интересом разглядывая полученный «рецепт» и ровные строчки непонятной латыни. Ковырнув кончиком ногтя небольшой лиловый цветочек в самом верху записки и убедившись в том, что тот не приклеен, а являет собой одно целое с бумагой, «пациент» задумчиво хмыкнул. Чуть-чуть помял, понюхал и со вздохом передал товарищу:

– Дед как дед. Ты это – водки пару бутылок прихвати, а? Чувствую, пригодится...

Распаренная, пышущая жаром плоть упруго прогнулась под нажимом длинных костистых пальцев, пропуская острые кончики до самого позвоночника. Массирующее движение, еще одно – и где-то внутри человеческого тела раздался едва слышимый хруст.

– Выдохнул.

– Ха!!!

Узкая ладонь травника неспешно прошлась вдоль спины капитана, и тот, безропотно и безмолвно терпевший все три часа мучений, которые травник, словно издеваясь, назвал «подготовкой к лечению», не выдержал и зашипел. И было отчего – по его ощущениям, ему только что щедро плеснули жидким огнем вдоль спины.

– Сегодня переночуешь здесь, старайся попусту не шевелиться.

Пациент, не удержавший вдоха облегчения (пытки закончились!), нашел в себе силы повернуть голову и хрипло поинтересоваться:

– А если по нужде?

Та же ладонь плавно прошлась перед его глазами, и последним, что услышал мужчина сквозь внезапно навалившуюся на него дремоту и негу, было тихое:

– Спи.

Приоткрыв дверь парилки, Виктор Николаевич с еле слышным всхлипыванием втянул в себя глоток свежего ночного воздуха, отдающего летним разнотравьем и вкусным березовым дымком. Отер рукавом халата мокрое от пота лицо, присел на ступеньку и задумался.

«Уже не тяну, еще чуть-чуть – и прилег бы на полку рядышком с воякой».

Поглядел на руки и ноги, заметно высохшие за прошедшее время, и без сожалений, но с легкой ноткой грусти констатировал – его время на исходе. Конечно, жизненный путь окончится не завтра, не через год и даже не через три... Быть может. Если не лечить. Но в любом случае – прежняя резвость к нему уже не вернется, никогда.

– Н-да, никогда.

Как глупо и быстро все прошло! Сколько не узнал, сколько не успел, какие возможности упустил!.. Как поздно он понял, насколько интересной может быть жизнь!..

А может, это его подкосила недавняя потеря? Внезапная и оттого еще более горькая? Его вторая жизнь, его сны, чудесные и красочные, переполненные яркими эмоциями и удивительно правдоподобными ощущениями, дающими силы и вдохновение, – исчезли. Теперь стоило ему смежить веки – и вместо ставших привычными и даже необходимыми картин чужой жизни приходила какая-то непонятная мутная хмарь. Серая, пронизанная редкими отголосками тоски и сильного страха, приносящая порой приступы долгой, ноющей боли...

– Что же с тобой случилось, малыш?..

Откинувшись спиной на дверь, набранную из толстых сосновых плашек, Виктор вспомнил о терпеливом капитане, рискнувшем всем ради одного только шанса на выздоровление. Затем мысли перескочили на его двойняшек, удивительно быстро освоившихся в доме и наполнивших его перезвоном своих голосов и удивительно кипучей энергией. За каких-то полдня они успели до полусмерти затискать дворового кота, набрать полные карманы всякой ерунды (вроде куриных перьев или камешков затейливой формы) и подружиться с половиной местных дворняжек. Попутно обзаведясь волдырями после знакомства с зарослями крапивы вдоль забора и едва не бултыхнувшись в колодец. Вспомнил, улыбнулся, еще раз вздохнул полной грудью... И резко замер от пронзившей его мысли. А может, и ему тоже? Поставить на карту все ради призрачной возможности продать, пронзить, разметать ненавистную серую хмарь?.. В конце-то концов, ну что он теряет? Свои оставшиеся, весьма невеликие, годы? Или имущество, коим оброс? Его в могилу с собой все одно не утащишь. Так что?..

Словно бы от любопытства, замер и разом загустел ночной воздух. Затем утих тонкий комариный звон, и скромница-луна, покинув белое покрывало облаков, залила все вокруг своим нереальным серебряно-прозрачным светом.

– Решено.

Лечил Георгия старик-травник очень странно и непонятно, но одного у него было не отнять – уже после второго сеанса крайне болезненных «процедур» пациент перестал пользоваться своей тростью. После третьего посещения бани рискнул потихонечку нагнуться и разогнуться. Пятый-шестой сеансы окончательно вернули ему уже давно и прочно забытую легкость в движениях, ощутив которую, он едва удержал предательскую влагу в глазах.

А две бутылки сорокаградусной так и негодились. Пожилой «экстрасекс» с повадками матерого садиста поил его по утрам и вечерам такой отвратительно ядреной гадостью (называя ее настойками и отварами), что голова и без всякой там водки шла кругом, а уж сознание вырубало – куда там сорокаградусной!.. Кстати, вредный старикашка и сам своей отравой не брезговал, отчего всего за две недели налился румянцем, слегка поплотнел телом да и в резвости заметно прибавил. И все бы было хорошо, если бы...

– Погоди, отец, – что значит «для закрепления результата надо пройти до одного места»?

– То и значит.

– А чем тебя баня не устраивает?

Травник недовольно поглядел на воспрянувшего духом офицера и развернуто ответил:

– Всем.

– Отец, ну объясни ты по-человечески, зачем нам с тобой куда-то тащиться пешком? Послезавтра друг на уазике приедет... Кхе-кхем!

Под тяжелым взглядом хозяина дома возражения просто перекосило в глотке, и даже последний довод не помог:

– А на кого я мелких своих оставляю?

– Лида с ними посидит. Рюкзак вон там, собран, завтра по росе выйдем, за полчаса доберемся. К вечеру... Вернешься.

Следующим утром, пытаясь не отстать от спутника-пенсионера, передвигающегося (налегке, между прочим!) по всяким там буеракам и оврагам с неприличной для своих почтенных лет сноровкой и скоростью, Георгий сам себе и ответил – почему же нельзя было дожидаться машины и как белые люди добраться на ней до того самого «нужного места».

– Да тут не узик, тут вертолет нужен. Что за кроты все так перекопали!

Не дождавшись ответа от спины, затянутой в выцветшую от времени и солнца брезентовую ветровку, отец-одиночка поправил соскользнувшую с плеча лямку нетяжелой торбы, попытался вспомнить, когда у него в последний раз был марш-бросок (ой давно!..), и прибавил ходу. Березовая рощица, широченное поле разнотравья, густой дремучий ельник, небольшое лесное озерцо и питающий его крохотный ручеек...

– Здесь.

Разомлевший от многообразия видов природы, Георгий с легкой оторопью и настороженностью обозрел точку финиша. Повертел головой, пытаясь угадать, отчего это прямо в лесу могла organizоваться четко очерченная проплешина голой земли, на которой не то что кусты – сорная трава и та не пожелала расти. Следов недавнего пожара не нашел, зато вдруг понял, что уж больно странная тишина вокруг стоит. Тревожная. Затем осторожно протянул вперед руку, немного подержал – и тут же почувствовал, как она наливается слабостью. А вслед за этим и другое чувство пришло, очень даже нехорошее – неуверенности и тревоги.

– Отец?..

На объяснения он, честно говоря, особо и не рассчитывал.

– Даже яд может быть лекарством.

Ответ все же прозвучал, но он его так и не понял. Повинуясь скупым жестам, капитан скинул с себя рюкзак, послушно выпил очередной гадости, выбившей из глаз крупные слезы, заголился по пояс и переступил границу меж сочной мягкой зеленью и мертвой землей. Почувствовал, как на лопатки легли две теплые ладони, и... Для начала на лбу выступила испарина. Затем ласковый огонь прошелся по каждой клеточке тела, смывая все следы прожитых лет. Приятно зудела кожа, довольно и расслабленно тянуло где-то внутри, а потом наступила удивительная легкость, от которой захотелось взалхлеб смеяться и орать.

– Хха!!!

И тем обиднее был неожиданный толчок в спину, после которого он вывалился из круга, кое-как успев вытянуть перед собой руки и за малым не пропахать носом дерн.

– Хорошего помаленьку, Возделывающий землю.

Ворочая ставшее вдруг очень тяжелым и непослушным тело, Георгий, как гордый лев (то бишь на карачках) добрался до своей ветровки. Трезво оценивая свои силы, надевать ее он не стал, а просто завалился (на нее же) боком.

– Полежи пока так, скоро оклемаешься.

Порозовевший и вроде как даже помолодевший травник без особой натуги приподнял обессиленное тело, устраивая его поудобнее. Затем вытряхнул из рюкзака небольшую фляжку, в три глотка ее опустошил, а торбочку хозяйственно свернул и подsunул под голову пациента, обеспечивая ему тем самым дополнительный комфорт. Сел рядом, вздохнул. Минут пять помолчал. А потом заговорил, вбивая гвозди своих слов в податливый разум слушателя:

– Все, спина в порядке. Да и остальное поправил, что было. Сто лет не обещаю, но еще четыре десятка протянешь точно... Если сам дуришь не станешь.

Дед помолчал, затем удивительно плавно поднялся. И как-то разом стало заметно, что на его лице полыхает багрянцем нездоровый румянец, а зрачки расширены так, что и белка почти не видно!.. Аккуратно снял свою ветровку, укрыв расплывшегося медузой по земле Георгия, положил рядом с ним непонятно откуда взявшийся конверт и, чуть-чуть помедлив, шагнул в дьявольскую плешь.

– Если что, вон там все объяснения и инструкции. Помни наш договор. Нарушишь – за собой утяну!..

Попытавшись сказать ну хоть что-нибудь в ответ, мужчина еле-еле дернулся, тихо вздохнул и сонно засопел – на что-то более громкое и заметное просто не было сил. А сухопарая фигура травника отвернулась, добралась до середины мертвой полянки, неспешно улеглась на спину и застыла.

На душе у Виктора было легко и свободно: все дела сделаны и долгов больше нет. Разве что иногда чуток пощипывала совесть, напоминая о том, сколько забот и неприятных хлопот свалится на его последнего «пациента».

«С другой стороны, завещание на его имя поможет Георгию меня простить. Может, даже и дом продавать не будет. Библиотеку вот только жалко, столько собирал...»

Мысли катились лениво и грузно, дыхание замедлялось, перед глазами крутились непонятные вспышки черного и белого, все ближе был сон, и уже ощущалась та самая хмарь. Ненавистная, давящая и такая непреодолимая!.. Еще ближе, еще сильнее – и, закутавшись в собственную волю, питаюсь надеждой и страстью, он начал давить. Прорываясь сквозь вязкие тенета, выжигая их собственной жизнью и болью, он уходил все дальше и глубже в неподатливую преграду, теряя частицы себя и уже не думая о возвращении. Мимоходом на задворках сознания пронеслась картинка собственного тела, подергивающегося в судорогах агонии, но все заслонил слабый отблеск близких чувств. Чужих, но таких знакомых, щедро приправленных болью и непонятным страхом. Да!!! Еще немного, еще чуть-чуть...

Глава 2

Никогда еще пробуждение не было таким мучительным. Старость не радость – тело даже не ныло, оно просто взахлеб плакало и кричало, категорически отказываясь хоть чуточку шевелиться. Шумело в голове, полное бессилие и тянущая пустота в животе, и даже веки приоткрыть – и то представлялось непосильным подвигом.

«Что ж, неудача – тоже результат. Зато выжил... Ох! Наверное».

Грудь прострелил острый спазм, заставив сердце потерять свой ритм и беспомощно затрепыхаться. Переждав ноющую боль, а заодно приведя мысли хоть в какой-то порядок, Виктор попробовал приоткрыть глаза. Удивляясь неудаче, попробовал еще раз. И еще. Попытки этак с пятой это удалось – и тут же резко полоснуло светом, да так ярко, что он едва не застоялся. Вернее, попытался это сделать, да вот незадача – даже такой малости не получилось.

«Да что же такое, валяюсь, как древняя развалина!»

Обдумав и покрутив со всех сторон внезапно пожаловавшую мысль – о том, что его полностью парализовало, – травник с тяжелым вздохом (увы, несколько виртуальным по причине странной немочи) признал и принял такую возможность. Хотя он вроде все просчитал и подготавливался знатно, да только разве же все предусмотреть? Тем более что можно было только предполагать, как будет сочетаться действие не самого полезного для здоровья отвара, усиливающего его более чем скромные способности, и выход геомагнитной энергии, по дурости и незнанию называемый местными Мертвой полянкой. Ну и что с того, что по отдельности все это ему помогало лечить? Никто ведь и не обещал, что такое сочетание поможет ему в главном деле. Вернее, в достойном завершении не впустую (хотелось бы надеяться) прожитой жизни.

Шшу-у-у!

На мгновение ему показалось, что часть шума раздается не только в его голове, но и снаружи.

«Да нет, ерунда».

Зато вдруг до невозможности остро зачесался нос. Следом резко вернулось обоняние – и до разума тут же дошел неуместно густой запах горячего воска и еще чего-то, смутно знакомого. Опознанного спустя несколько мгновений как запах ладана.

«Не понял, меня что, в церковь притащили? В больницу надо, ироды!»

Уже не обращая внимания на все усиливающуюся резь в глазах, Виктор стал потихонечку раскрывать веки, привыкая к боли и потоку яростного, буквально обжигающего зрачки света. Почему-то с явным красноватым оттенком – слава богу, чем дольше его веки оставались приоткрытыми, тем меньше становилась резь. И тем больше становилось видно – что?.. Что он лежит непонятно где. Нет, на церковь или морг помещение вроде бы не походило (что уже радовало), но и сходства с собственным, изученным до малейшей трещинки и паутинки домом тоже не было, причем целиком. Полутемное помещение с низкими и почему-то серыми потолками, на которых можно было заметить следы легкой копоти. На едва различимой рядом стенке гуляли размытые тени от множества горевших свечей, воздух был спертый, вдобавок на лбу обнаружился кусок ткани. Изрядно, между прочим, затрудняющий обзор. А челюсть вообще оказалась подвязана, на манер старушечьего головного платочка.

«Да что за хрень?..»

Прикрыв заслезившиеся глаза, травник постарался успокоиться. И вспомнить – ну хоть что-то. Если его последний пациент прочитал записку – значит, нашел и завещание. Если нашел завещание...

«Ну хотя бы в нем я не ошибся, и в чистом поле меня не бросили – и то радость. Вот только с какого это перепугу врачи посчитали, что я умер? Нет, надо это дело заканчивать!»

Привычное усилие – и в солнечном сплетении тут же образовался еле заметный комочек жизненных сил. Запульсировал, с неохотой подрост... И пропал, сметенный настоящим калейдоскопом странных картин и образов. Серая хмарь, отчаяние, почти эйфория от успеха, вспышка сильного страха... Чужого страха? Своего? Все так переплетено, что уже и не понять, где его чувства, а где чужие. Проходящие прямо сквозь него потоки чего-то такого, чему нет и не может быть названия в привычном языке, ощущение немыслимой скорости и полного покоя одновременно, вспышки белого и черного света... А в конце – чудовищно сильный удар-столкновение с кем-то или чем-то, рассыпавший его сознание карточным домиком. Еще удар, на сей раз слабее, затем падение в бешеный водоворот из обжигающего невероятным холодом пламени, в котором все рассыпавшееся собралось и сплавилось, – а затем темнота, полная и беспросветная...

«С отварчиком переборщил, однозначно. Хм... так, может, у меня обычная галлюцинация?»

Наконец откликнулось и ожило средоточие его сил, непривычно зыбкое и слабое, подросто и... Бессильно угасло. Что ж, и такое с ним бывало – особенно поначалу, когда он только обнаружил у себя странные, но удивительно полезные (и безумно интересные) способности. Вновь небольшая концентрация вместе с осязаемым усилием – и в солнечном сплетении появился теплый огонек силы. Неспешно, даже осторожно подрост – и опять угас, волной слабой боли прокатившись по организму. Еще попытка. Еще одна. Еще.

«Похоже, все, доигрался. Тело как колода, оглох, почти ослеп, да еще и средоточие не отзывается...»

Горло сдавил едкий комочек горечи, зрение еще больше расплылось, а потом поживший и многое повидавший мужчина обнаружил, что плачет. Набухли вены на лбу и шее, раскрылся в беззвучном крике рот, по груди пробежала невидимая дрожь почти что агонии – и словно в ответ откликнулась и слабо-слабо заппульсировала почти неощутимая искра. Его последняя надежда, последнее средство, последний шанс!.. Холодели ноги и руки, синели губы и бледнело лицо, замедляло свой и так редкий стук ослабевшее сердце – и все больше и больше наливался живительным огнем маленький колючий клубок в центре живота. Тихий вдох, долгий выдох, длинное мгновение полной тишины – и ожившее средоточие пустило по телу первую волну. За ней следующую, чуть слабее, еще одну, и напоследок, совершенно неожиданно – горячим лучом прострелило сквозь сердце в правую руку.

– Схха-а!!!

Сама по себе дернулась и расширилась грудь, глубоко вбирая тяжелый, стоялый и такой живительный воздух. Сбрасывая неприятное онемение, шевельнулась левая нога, потом неконтролируемо дернулись щеки и губы, а затем уже и правая рука слабо-слабо приподнялась – убрать изрядно раздражающую тряпку со лба. Приподнялась и замерла – потому что вместо нее Виктор увидел переливающийся разноцветными красками контур человеческой фигуры, заполненной чем-то вроде разноцветной сеточки-паутинки.

– Ох!!! Господь мой вседержитель!!!

Где-то за головой что-то с шумом и звоном упало, раздался гулкий всхлип-вздых, а затем и невыносимо громкий топот удаляющихся шагов. А шестидесятилетний травник сморгнул раз, другой, окончательно возвращая себе нормальное зрение, и незамедлительно впал в полнейший ступор. Потому что рука, которую он с большим усилием удерживал перед лицом, была чужой. Но притом вполне знакомой. На тыльной стороне ладони мелкий шрамик, полученный от уголька, длинные тонкие пальцы с изрядно отросшими ногтями, тонкий ободок серебряного колечка... В голове опять зашумело, странными рывками закрутился потолок, а запах ладана стал просто невыносим.

«М-малыш?!»

В жаркое лето года семь тысяч шестьдесят восьмого от Сотворения мира¹ по длинным и сумрачным переходам Александровского кремля торопливо шагал высокий и широкоплечий мужчина двадцати девяти лет. Отмахиваясь, а то и вовсе не обращая внимания на низкие поклоны служек, совсем не оглядываясь на ближних бояр, топающих в легком отдалении, божией милостью Великий государь, царь и Великий князь всея Руси – удивительно легким шагом мчался в хорошо известные ему покои. За спиной осталась прерванная на середине соколиная охота и отложенное заседание «Избранной рады», а также прячущий взгляд гонец, принесший тяжелую весть. Затем долгая скачка, запаленный жеребец, тяжелые мысли и бессиленная злоба пополам с тоской – вначале сильно занедужила любимая жена, потом умер первенец. Его любимец, его наследник! Многочисленные молитвы о ниспослании исцеления, усилия сразу двух иноземных лекарей, обильные пожертвования матери-церкви – все было бесполезно, и чем дальше, тем было понятнее, к чему все шло. Но надежда – надежда и вера в лучшее – еще теплилась, до последнего мига... И вот уже на виду белоснежных стен Александровской слободы его встретил второй гонец. За невероятную новость с ходу облаканный крупным перстнем, да прямо с царской руки. Большая честь!.. Иные годами о такой мечтают.

– Говори!

Человек, уже давно осознавший и принявший тот поистине прискорбный факт, что быть личным лекарем царственных особ не только почетно, но (временами) еще и смертельно опасно, – этот человек согнулся в низком поклоне еще до того, как прозвучало негромкое повеление. Затем, старательно контролируя лицо и интонации голоса, подтвердил все надежды московского властителя – а также, вполне возможно, и собственный смертный приговор:

– Царевич Димитрий жив, государь.

Глаза царственного родителя, еще недавно тоскливые, а затем готовые полыхнуть испепеляющим гневом, застыли в радостном неверии. После чего рука великого князя будто бы по собственной воле троекратно перекрестила высокое чело, а четко очерченные губы шевельнулись в начальных строках молитвы.

– Очень слаб. Очень! Но ему явно лучше, он даже смог сам поднять руку и явственно попытался перевернуться на бок! Езус явил нам истинное чудо, и я...

Лекарь вспотел, и одновременно его бил озноб. Так ошибиться! Одно утешает – если что, на виселицу или плаху он пойдет не один, а в теплой компании коллеги-конкурента из Голландии. Ибо Арнольд Линзей тоже осматривал принца крови и вместе с ним констатировал его смерть!

– Думаю, что худшее уже позади. Царевич обязательно поправится.

Внимательный взгляд прошелся по человеку в темных одеждах, затем великий государь благосклонно кивнул и проследовал дальше, так больше ничего и не сказав. Но Ральф Стендиш даже и на миг не усомнился – его слова услышали и запомнили, и теперь уже его жизнь полностью зависит от состояния восьмилетнего наследника. И если, не дай бог!.. Даже от мыслей на эту тему холодела кровь и слабели ноги. А вот у царских ближников кое-какие предположения явно имелись – уж больно выразительно они глядели на согнувшегося в очередном поклоне лекаря, следуя за своим повелителем. Воистину стоять рядом с троном – стоять рядом со смертью...

Оживший сон оглушил и порастил Виктора так сильно, что мимо его разума прошло и появление небольшой толпы смутно знакомых людей, и их негромкие голоса, и даже осторожные, явно ласковые прикосновения одного из них. С орлиным носом, густой гривой иссиня-черных волос, жестким изгибом губ и почти ощутимым ореолом власти – он трепетно и нежно гладил его по плечу и руке, явно обрадовавшись, когда она у него непроизвольно дер-

¹ Соответствует 1559 году от Р.Х.

нулась. Что-то тихо сказал, перекрестил, еще раз коснулся щеки, вытирая струящиеся слезы, и почти неслышно отступил. Затем... Все с тем же равнодушием и отстраненностью бывший травник наблюдал, как его перенесли из комнатухи в средних размеров залу, быстро и ловко сменили одежду, перед этим попутно обмыв его нынешнее худенькое тельце, и провели что-то вроде медицинского осмотра. Очень небрежного и поверхностного. Затем влили в него пару ложек какой-то кисло-горькой бурды и наконец-то оставили в покое, позволяя измученному разуму потихонечку приходить в себя. И осознать, что же именно он сделал, – вместо того чтобы убрать преграду ну или (самое большее) хоть как-то помочь мальчишке из своих снов, он попросту его убил!..

Два дня и две ночи пролетели для него как единый миг, ибо к неимоверно жгучему чувству вины добавились и иные муки. Обрывки чужих чувств и осколки чужой памяти выжигали свои пламенные следы в его сознании, становясь ЕГО чувствами и его памятью. Тысячеголосым шепотом в ушах, мельтешением картин – все прежние его сны были всего лишь блеклой тенью, ничтожным отзвуком того, что он переживал и впитывал. Два долгих как вечность дня, за которые он прожил целую жизнь, в которой учился ходить, играл с братом, первый раз прочитал вслух из книги целую молитву, с восторгом коснулся полированного булата отцовской сабли и капризничал, выпрашивая у няньки лишний кусок медовых сот... Все это было – как и неловкое падение с коня во время одного из занятий. А потом долгие дни и бессонные ночи, заполненные ноющей болью в спине. Противное питье и порошки, слова утешения отца, слезы матушки...

В себя он пришел от скребущего по ребрам изнутри острого чувства голода и гадостного привкуса на языке и долго пытался понять – почему он опять ничего не видит. Так ничего и не выяснив, ужасающе медленно подтянул-проволок по телу единственную послушную ему руку и кое-как смахнул с лица что-то мокрое и противное.

Шлеп!

Падение тряпки почему-то сопровождалось сдавленным «Ох», затем была удаляющаяся дробь мягких шагов. Довольно скоро вернувшихся в компании легкого шороха одежды, поскрипывания сапог и почти неосязаемой волны резких запахов:

– Вот!

– Оу!

К запястью правой руки прикоснулись чужие пальцы. Затем они же ощутимо надавили на подбородок, заставляя рот распахнуться едва ли не на всю ширь, предусмотренную матушкой-природой, и царапнули по сухому языку. Довольно болезненно оттянули веки, подержали их так несколько мгновений и опять вернулись на запястье.

– Так!..

Немного скосив глаза, Виктор с легкостью обозрел того, кто всего за две минуты смог разозлить его своей бесцеремонной наглостью. А увидев, как незнакомец опять тянет свои грабли (немытые, между прочим!) к его лицу, он и вовсе брезгливо дернулся, слегка отстраняясь.

– Превосходно!!! Немедля известите великого государя – царевич пришел в себя!

За следующий десяток минут он едва не сошел с ума от бессильной злобы. Вначале шарлатан в черном кафтане продолжил свой «осмотр», залезая грязными пальцами то в рот, то в ухо, и периодически задирая долгополую рубашку едва ли не до затылка – причем как спереди, так и сзади, болезненными постукиваниями и надавливаниями «исследуя» ноги, живот, ребра и позвоночник. А потом, недолго побренчав разнокалиберными бутылочками и плошками, начал поить его «микстурой», в которой опытный травник без особого труда опознал два компонента, к тому же еще и разбавленных какой-то совершенно непонятной ерундой.

«Я только-только пришел в себя – а этот дятел уже пичкает меня таволгой вязолистной² и пыреем?³ Слабительным? Да он совсем охренел, что ли! Ах ты, сука, зубы мне разжимать?!»

– Хмрф!

– Оу!!!

Вошедший в залу великий князь увидел воистину радостную картину – его сын, еще недавно лежавший при смерти, очнулся и набрался сил настолько, что смог выплюнуть целебный взвар. Причем не куда-нибудь, а точнехонько в лицо склонившегося над ним врачевателя Стендиша.

– Митя!

Приблизившись к ложу больного вплотную, государь коротко глянул на лекаря, склонившегося в поклоне, и осторожно погладил сына по голове.

– Вижу, чадушко, идешь на поправку. Умница мой!

Унизанные перстнями пальцы нежно взъерошили и без того растрепанные волосы.

– Скоро совсем оздоровеешь, поедем с тобой в Москву, к матушке. Да, сыно?

Мальчик на ложе едва заметно кивнул. Царь же еще раз взъерошил волосы и с лукавой усмешкой покосился на обтекающего лекаря:

– Вот и славно, вот и хорошо. Ах да!.. Хоть и горькое питье, да лечебное – с ним ты быстрее на ноги станешь.

Повинуясь небрежному жесту, подскочивший Ральф аккуратно влил остатки своей микстуры в малолетнего пациента.

– Умница мой! Ну, отдыхай, я позже опять тебя проведаю.

Успокоившийся мальчик проводил отца взглядом, потом с молчаливым предупреждением оглядел своего лекаря и с поистине детским интересом стал разглядывать залу. Потом его внимание переключилось на сиделку, молчаливой тенью застывшую невдалеке от его ложа, затем его глаза стали потихоньку закрываться...

– Уснул. Как проснется, позвать меня!

– Будет сделано, боярин.

«Не уснул, а видеть тебя уже не могу. Лекарь-калекарь, блин!»

Без особого труда имитируя глубокий сон, Виктор... Или уже Дмитрий? В голове по этому вопросу все изрядно перемешалось. Да, он помнил почти все из прежней жизни, но так же прекрасно он помнил и свою недолгую жизнь ЗДЕСЬ, где бы это здесь ни было. Он был и Виктором, и Дмитрием сразу, и ни одним из них. С первого свою плату взяла нереальность, сквозь которую он прошел-продрался, а со второго – смерть, забравшая личность, но оставившая изрядную часть памяти. То, что получилось в результате... В общем, теперь ему предстояло заново познакомиться с самим собой. Повышенная эмоциональность и чувствительность восьмилетнего мальчика – и зрелый разум шестидесятилетнего мужчины. Знания и опыт целой жизни, перемешанные с любознательностью и жизнерадостностью того, кто только начинал жить. Гремучая смесь!

«Теперь понятно, почему так трудно отзывается средоточие. Удивительно, как оно вообще отзывается! Ну, благословясь, попробуем».

Тепло и жизнь, наполняющие тело, стали потихоньку концентрироваться в животе, медленно и осторожно сплетаясь-сливаясь в горячую точку. Она подросла, запульсировала в такт с ударами сердца, увеличилась еще – и вот в солнечном сплетении уже и не точка, а едва ощущаемый колющий клубочек силы. Покалывающий внутренности колючими лучиками разрядов, готовый раствориться при малейшей ошибке или недостаточном усилии воли, жадно впитывающий невеликий запас жизненных сил и такой родной! Чувствуя, что надолго его не хва-

² Таволга вязолистная – стимулятор центральной нервной системы.

³ Пырей оказывает среднее слабительное действие.

тит, травник очистил сознание, приготовился к боли и толкнул лучики-разряды вдоль позвоночника и по рукам-ногам. И едва удержался от стоны – до того были сильны болезненные ощущения в спине и левой ноге. Чуть менее сильные, но тоже очень чувствительные вспышки пришли от руки и двух ребер справа, и совсем слабо откликнулась левая рука.

«Как минимум повреждение позвоночного столба и ноги. Перелом? Оттенок боли вроде бы не тот. В отличие от трех ребер, в которых точно была трещина. Правая рука?..»

Жалкие остатки силы разрядились в руку. После чего мальчику во второй раз показалось, что он видит странную сеточку-паутинку. Только на сей раз не одну, а сразу две, занятно переплетающихся между собой, причем первая была светло-синей, а вторая, едва заметная, – багрово-красной.

«Какой у меня хороший отвар получился. Даже после смерти видения ловлю!.. Так. Правая рука – повреждены нервы и связки. Получается, что более-менее шевелить я могу головой и левой рукой. И то радость. Хм... что-то больно уж интересный набор болячек получается!..»

В голове медленно всплыло воспоминание об уроке верховой езды. Смирная кобылка Рябинка, испугавшаяся непонятно чего и резко взбрыкнувшая крупом, короткое падение на ужасно твердую землю, неприятный хруст и боль, от которой невозможно дышать, – а потом испуганные шепотки толпы и раз и навсегда укоренившаяся в спине боль.

«Бедный малыш! Как же ему было страшно и одиноко! И тоскливо, когда он понял, что даже всесильный отец не может заставить лекарей вылечить его. Он... Медленно умирал? Потеряв интерес к жизни и окружению, лежал с закрытыми глазами. Вот и причина серой хмари – сильная травма, а еще боль, тоска и отрешенность».

Непрошеными гостями полились из глаз слезы, и, поддерживая их, словно бы сам по себе влажно хлопнул нос. Почти сразу усилилось ощущение человеческого присутствия рядом, а потом лица легким перышком коснулся платок.

– Все хорошо, господин мой, все будет хорошо.

Тихий грудной женский голос, а затем и мягкая рука, приподнявшая его голову, заставили открыть глаза. Перед носом тут же обнаружилась небольшая плошка с прозрачной водой – самое то, что ему сейчас было нужно.

– Во-от так, потихонечку...

За первой плошкой последовала вторая, за второй третья – и только тогда он довольно откинулся обратно, с удивлением ощущая, как его начало клонить в сон. Все те же мягкие и ловкие руки чуть-чуть поправили и взбили подушку, подтянули легкое одеяльце и пропали, оставив после себя слабый запах полыни.

«Бедный малыш!..»

Повинуясь легкому движению руки, мягкие женские ладони вернули рубашку тонкого полотна обратно, прикрывая выпирающие ребра мальчика.

– Хмм!..

Пока лекарь Стендиш задумчиво пощипывал свою по-европейски куцую бороденку, ухаживающая за принцем крови служанка успела привести его постель в надлежащий порядок и теперь молчаливо стояла рядом. Сам же он пребывал в сильном сомнении – стоит ли и дальше пользоваться микстурами и пилюлями принца Димитрия, или уже можно прекратить? С одной стороны, лекарства явно шли ему на пользу – пациент стал более подвижен, у него появился просто отменный аппетит, да и румянец стал довольно частым гостем на впалых щеках. Был и еще ряд других, не менее верных признаков. С другой же стороны, эта его постоянная сонливость и странная худоба, при том что кормили сына правителя очень сытно и чуть ли не за двоих! Да ко всему еще и полная немота!.. За все время, что прошло со дня его чудесного исцеления, наследник не произнес ни одного слова. Да что там слова – даже мычания или стоны и то никто не услышал! Вдобавок Ральфа чем дальше, тем больше тревожила неприкрытая

злость в глазах мальчика, направленная именно на его скромную особу. Понятно, что приготовленные им тинктуры горьки и неприятны на вкус, и в последнее время он даже добавлял в них мед... Не в ущерб лечебным качествам, конечно. Но все же – такие чувства в столь нежном возрасте?.. Будь пациент менее знатен – он бы этим, может, и пренебрег, да только, к его величайшему сожалению, принц крови к таковым ну никак не относился.

– Сегодня, пожалуй, обойдемся без... Пилюль. Да, определенно.

Все та же челядинка молчаливой тенью скользнула к сундуку у окна, на котором аккуратным рядком были расставлены драгоценные (из-за содержимого, конечно) кувшинчики, и привычными движениями начала намешивать в небольшой серебряный кубок целебное питье.

– Испей, царевич. Еще глоточек и еще один. Вот и хорошо, вот и ладушки!..

Утерев темные капли микстуры с уголка бледных губ, женщина отошла сполоснуть кубок, а мужчина внутренне поежился, заметив на себе долгий и обещающий очень много всего плохого взгляд синих глаз. Вернее сказать, темно-синих, но вот в такие моменты ему почему-то казалось, что именно черных. Кстати, еще одна странность, связанная с принцем крови, заключалась в том, что Ральфа в его присутствии охватывала неожиданная слабость и головокружение, и приключалось все это именно тогда, когда он производил осмотр тела. Отчего он в последнее время старался не прикасаться к мальчику лишней раз (по крайней мере, своими руками). И как ни странно – это помогало!.. Подавив невольный вздох и отогнав от себя мысли о возможной порче и темном колдовстве, наложенном на наследника престола и частично перешедшем на него, Стендиш перекрестился и отступил на пару шагов назад, выходя тем самым из видимости своего пациента. Терпеливо дождался, пока сиделка тоже осторожно отойдет на свое место у окошечка, усядется и через некоторое время едва заметно кивнет, подтверждая, что принц успокоился и заснул. Еще раз перекрестился и вышел, радуясь: на сегодня все его заботы были окончены.

«Коз-зел английский! Чтобы у тебя руки по колено отсохли, урод!..»

Изрядно окрепшее и разросшееся за прошедшее время средоточие поддержало своего хозяина сильной волной колючего тепла, прошедшей по пищеводу в живот и превратившей «микsturку» лекаря-неумехи в обычную травянистую бурду. Ну по большей части. Вообще, если бы не «квалифицированная» медицинская помощь в исполнении иностранного (потому как крестился на католический лад) коновала и предыдущее «успешное лечение», Дмитрий, пожалуй, еще неделю назад рискнул бы попробовать встать и пойти. А пока... Приходилось большую часть и так невеликих жизненных сил пускать на то, чтобы выводить из тела накопившиеся шлаки и токсины плюс сводить на нет действие темно-коричневой бурды, вливаемой в него под видом лекарства. И пилюль, изготовленных из сурьмы с ртутью. Последнее средство вообще считалось универсальным – ну прямо великая панацея, не меньше.

«Мало мне было слабительного, стимуляторов и ртутных биодобавок – так теперь еще и желчегонное с кроветворным добавилось. Этот дятел что, думает, что у меня анемия и камни в желчном пузыре образовались? Впрочем, чему там думать, вся голова – одна сплошная кость!.. Слава богу, что хоть его пилюли удастся потихоньку выплевывать. Иногда».

Глубоко вздохнув и одновременно с этим стянув все тепло из тела в средоточие, Дмитрий (а теперь он называл себя так даже в мыслях) ровно выдохнул и вместе с этим выпустил обратно тепло. Вдохнуть-выдохнуть, опять стянуть все тепло, выдохнуть и выпустить его обратно – раз за разом повторяя привычный цикл. Средоточие засияло маленькой звездой, посылая волны по всему телу, ток силы проходил ровно и почти без помех – сначала запекло в спине, затем приятно потеплели ноги и руки, чуть-чуть зазудело на кончиках пальцев... Вот средоточие словно бы уплотнилось, ошетинилось короной мелких разрядов, замерло – и полыхнуло короткой и неимоверно горячей вспышкой боли, разом уменьшившись вдвое. А заодно высветив на пару долгих секунд удивительный в своей невозможной красоте узор. Завораживающий, бесконечно сложный и пронизывающий каждую клеточку тела, свитый из толстых, средних

и истончающихся во что-то совсем уж невидимое нитей самого разного цвета. Загадка, которая увлекала его, и чем дальше, тем больше! Тем временем боль утихла, унося с собой видение нереальности, тут же сладко-сладко заныло где-то под сердцем, легкая испарина пробила виски, а следом накатила приятная усталость и сильное чувство голода. Даже чересчур сильное, организм прямо и конкретно требовал – жрать! Нет, можно, конечно, и поесть, но лучше бы, хозяин, просто и без ограничений – пожрать. И лучше всего – чего-нибудь мясного.

Бхур-р-р!

Привыкшая к особенностям аппетита царевича сиделка тут же скользнула за дверь, с тем чтобы через краткое время вернуться, неся в руках широкое плоское блюдо из потемневшего от времени серебра. Поплыли по воздуху вкусные ароматы...

– Во-от так!

Худенькое тельце подтянули повыше, подложив под голову и спину дополнительную подушку. На грудь постелили холщовую тряпицу, затем на колени поставили глубокую плошку с нежнейшим пюре. Из обычной белорыбицы, чуть приправленной луком, – ибо картошка в это время еще даже и экзотикой не была по причине полнейшего своего отсутствия. Правая рука довольно уверенно подхватила резную деревянную ложку, чуть зачерпнула и поднесла к губам. Потом еще раз и еще – до тех самых пор, пока плошка не опустела. На смену пюре пришел небольшой кувшинчик (чтобы можно было просто отпивать, не утруждая руки), примерно до половины заполненный жиденькой похлебкой с частыми волоконцами куриного мяса. Затем кубок с удивительно душистым и вкусным хлебным квасом, после чего все вернулось на круги своя, – опустевшее блюдо унесли обратно в поварню, а царевич, тихонечко отдуваясь, поудобнее устроился на своем ложе, самостоятельно перевернувшись на правый бок.

«Мм!.. Хорошо!»

За спиной еле слышно скрипнула дверь, сигнализируя тем самым о его полном (хотя и очень недолгом) одиночестве. Сиделка, привыкшая к тому, что ее подопечный всегда дремлет час-другой после своего второго обеда, иногда позволяла себе ненадолго отлучиться, даже не подозревая при этом, насколько ей признательны за такой подарок.

«Так, одеяло долой! Левая нога, правая!..»

Повинуясь молчаливым командам, ноги согнулись и разогнулись, тем самым свидетельствуя о своем полном и безоговорочном восстановлении. Худые руки дотянулись кончиками пальцев до коленных чашечек, затем немного дальше, еще чуть-чуть, затем тело крутнулось из стороны в сторону, а колени поочередно приблизились к впалой груди. Переворот на левый бок, широкий мах ногой и рукой, на правый – и то же самое, а под конец он даже попробовал отжаться. Получилось! Целый раз, хе-хе. Поправить немного растрепавшуюся постель, накинуть обратно одеяло и вытереть его уголком испарину с лица. А еще успокоить забухавшее было сердце и унять частое дыхание – как раз к тому моменту, как за спиной опять еле слышно скрипнула дверь.

«Интересно, что было бы, если бы она увидела меня пяток минут назад? Наверняка переполох получился бы знатный. А уж английский козел и вовсе бы умер от счастья и гордости – как же, его лечение помогло».

Впрочем, без лишней скромности и преувеличения – ему пока сильно везло. Выученный за прошедшую пару месяцев нехитрый распорядок собственного дня, невеликое окружение, их мелкие привычки – все это очень помогало. Как и спонтанное решение не произносить вслух ни единого слова – тем самым уберегая себя от вольной или невольной ошибки. Самым же большим подарком Дмитрий считал недавний отъезд царственного отца, общение с которым (полностью безмолвное с его стороны) хотя и принесло ему целую гору полезной информации, но вместе с тем изрядно напрягало. Кто может знать собственного сына лучше, чем родитель? Разве что мать. Но царица Анастасия вот уже второй месяц чувствовала себя не очень хорошо

и решила дожидаться мужа и старшего сына в Москве – тем более что ее внимания требовали еще два сына и дочка.

«Знать бы еще, какой год на дворе, – вообще было бы прекрасно. Хотя... Все равно не пойму: куда меня занесло?»

В свое время, пытаясь понять хоть что-то из своих волшебных снов, он перерыл немало исторической литературы. Того же Карамзина с его «Историей государства Российского» он прочитал как минимум три раза, да и остальных авторов не забывал. Надоедал ученым-историкам, фактически стал внештатным сотрудником сразу двух музеев; но все, что смог определить, – это примерное время, в котором жил его малыш. От второй половины пятнадцатого до середины шестнадцатого века от Рождества Христова – и на этом все его успехи закончились. Ни семьи, ни хотя бы примерного титулования и положения, ни места проживания определить не получалось, ну никак! А ведь были же у него подозрения на первого сына Ивана Грозного, были!!! Только все перебивал один-единственный твердокаменный факт: царевич Дмитрий умер, не прожив и полугода. Похоже, что врал. Потому как он и есть тот самый царевич Дмитрий! У коего, ко всему, еще имеется трехлетняя сестра Евдокия. Которая, если верить прочитанным историческим трудам, тоже должна была умереть два года назад, – но, по всему видать, передумала.

«Вернее, вспоминая опыт и квалификацию придворных ветеринаров, – выжила, причем вопреки всем их стараниям. Наверняка ее, так же как и меня, и пилюльками травили, и кровь пускали, и целебной микстуркой пользовали. Ненавижу!»

Вспышка злости была такой сильной, что отозвалась в средоточии, заставив последнее чуть потемнеть и оцетиниться иголками мучительно горячих разрядов.

«Как больно!...»

Суматошно затрепыхалось сердце, нервно дернулись и застыли губы, а острые зубы до крови впились в собственную ладонь, помогая разуму прийти в себя. Мгновение, другое, третье... Дыхание постепенно выравнилось, а строптивое средоточие вновь покорилося юному хозяину. До следующего раза.

«Больно. И странно. Нет, я до этого-то особым человеколюбием не страдал, но так ненавидеть, так жарко и зримо желать чьей-то смерти?.. Похоже, чем дальше, тем сильнее меняюсь. Хм... А может, все гораздо проще, чем я себе представляю? Если у меня так ничего и не получилось, и все, что меня окружает, – всего лишь затянувшаяся агония разума и тела?»

За спиной тихо прошуршали шаги, затем донеслось слабое позвякивание и тонкий запах масла, доливаемого в маленькую лампадку, подвешенную на тоненькой цепочке к полке с потемневшими от времени иконами. Еле слышное журчание, приглушенный стук – и у изголовья его ложа поставили расписную деревянную плошку с медовым квасом. Звонко лягнула крышка сундука, зашуршала расстилаемая на широкой лавке постель и снимаемая одежда, а потом короткий и сильный выдох погасил одинокий огонек свечи. Неясный шепот в темноте светлицы, в котором при желании можно было разобрать короткую молитву, сладкий зевок, еще один – и ровное дыхание на самом пределе слышимости...

Дмитрий протянул руку, не глядя подхватил плошку и пару раз мелко глотнул, наслаждаясь невозможно вкусным напитком. Чуть шевельнул ногой, изменяя положение тела, до половины скинул с себя меховое одеяльце – легкое и мягкое, но притом до ужаса теплое.

«Что-то уж больно реалистичные видения получаются!...»

Стараясь отвлечься от неприятных мыслей и предположений, а еще – неуверенности в завтрашнем дне, он занялся привычным делом. Тем более что оно увлекало его все больше и больше, буквально затягивая в себя. Странная способность, неожиданно-негаданно развившаяся из навязчивого желания разобраться в собственных снах и долгим методом проб и ошибок приспособленная для диагностики и лечения поначалу мелких болячек, а потом и вполне серьезных недугов, – этот дар, оставшийся с ним и в новой жизни, внезапно расцвел новыми

красками и возможностями. Вдобавок заметно усилился, периодически преподнося приятные (и не очень) сюрпризы и загадки, а в дальнейшем грозил вырасти еще и еще – если уж всего за два месяца он переплюнул прежние свои показатели, то что же будет через год или два? Или даже пять?

«Ты доживи сначала, мечтатель!..»

Глубокий вдох, легкое усилие воли, от которого его второе «сердце» послушно сменило свой ритм и по телу побежали сотни мурашек. Еще усилие – и мурашки сменились легким и весьма приятным покалыванием, идущим прямо изнутри мышц. От шеи прямо по спине, затем по ягодицам, бедрам и голени, через живот на грудь, с нее на руки и ладони, опять на шею... словно десяток маленьких котят, играя, бегал прямо по нему и запускал в него же свои маленькие коготки, немножко их сжимал, а потом следовал дальше. Новое усилие воли – и котята заметно подросли, как и их коготки. Покалывание стало сильнее и глубже, отчего мышцы едва заметно подергивались и дрожали, по телу пошла испарина и легкая волна боли – первый предвестник полного опустошения сил. Несколько глубоких вдохов – и все тут же прекратилось: покалывания сошли на нет, потускневшее и сократившееся примерно вдвое средоточие ровно засияло, а в сознании проскочила искорка гордости. За себя. Потому что еще недавно такие вот «игры с котятами» выпивали его едва не досуха, даруя взамен мокрую насквозь рубашку и ноющую боль по всему телу, отвыкшему за долгие месяцы неподвижности от малейших нагрузок.

– Уф!..

В очередной раз пихнув от себя одеяльце и задрав до середины бедер длинную полотняную «ночнушку», Дмитрий блаженно улыбнулся и поболтал в воздухе худыми ногами. От близкой стены приятно веяло прохладой, потяжелевшие веки и легкая истома сложились вместе в сладкую дремоту, и, полностью отдаваясь ее ласковым объятиям, он мельком подумал – как было бы хорошо взять да и вдохнуть полной грудью свежего воздуха...

Пришедший сон был ярким, красочным и при этом абсолютно незапоминающимся – куда-то шел, с кем-то играл, от кого-то бежал. А еще почему-то сильно мерз. Наверное, именно поэтому он, по-прежнему находясь в полусне, вначале пошарил руками рядом с собой, потом чуть поодаль, в поиске теплого меха, – но так ничего и не нашел. Зато проснулся. Причем уже стоя на ногах и крепко прижимая к своей груди то самое одеяло, что столь долго и безрезультатно искал. Похлопал глазами, окончательно приходя в себя, настороженно прислушался к дыханию сиделки и замер, обдумывая внезапно пришедшую мысль. О том, сколько же ему еще изображать из себя живое бревно, покорно принимающее всю ту гадость, коей его пичкают под видом лекарств? Бояться лишний раз пошевелиться, выгадывать редкие моменты свободы, терпеть слабительное и ртуть в «лекарствах»?..

«Да пошло оно все!!!»

Мальчишечья фигурка размытой тенью бесшумно скользнула к выходу из светлицы, осторожно приоткрыла дверь и исчезла. Каменная плитка холодила нежную кожу ног, в воздухе появились новые ароматы и отчетливые сквозняки, а сумрачные коридоры и переходы оказались вдруг чем-то знакомым и привычным – сколько раз он бегал тут, не даваясь в руки нянкам и уклоняясь от встречи со стражниками?.. А вот тут даже два раза падал, расшибая коленку и локоть в кровь, пока не привык огибать торчащий из стенки выступ. Вон за ту дверь его никогда не пускали... Вернее, не пускал огромный навесной замок на ней и два здоровяка с саблями при ней. Тот переход ведет в конюшни, а если свернуть здесь, то можно прийти в псарни. Ступни мерзли все сильнее, когда впереди показалась внешняя галерея Кремля, а за ней, далеко-далеко впереди, светло-серая полоска утреннего неба. На тихие шлепки голых ног вскинулся придремавший было стражник, моментально стискивая в кулаке сабельную рукоять и самый краешек оружейного пояса. Сморгнул, удивленно округлил глаза, разглядев в мятую-

щемся пламени факела низенькую тоненькую фигурку царевича, затем растерянно кашлянул, открыл было рот...

– Тсс!

И медленно его закрыл, повинуясь прижатому к детским пухлым губам пальчику, дополненному затем отрицательным покачиванием головы. Мальчик довольно кивнул, затем подошел к широким резным перилам, за которыми начинался внутренний двор Александровского кремля, и медленно-медленно вздохнул. Чуть-чуть потряс головой, словно прогоняя подступившую дурноту, или там головокружение, положил обе руки на дубовую плаху-балясину перед собой – и надолго замер живым изваянием. Шевельнулся он всего один раз – когда рядом с ним на каменные плитки упала шапка, а мужской голос тихо прогудел:

– Не стоит ножки свои студить, царевич. И вот еще.

На узкие детские плечи лег толстый и грубый кафтан, укрывший Дмитрия от тоненькой шеи и до ног. Так они и встретили первую полоску рассвета: стражник без шапки и в исподней рубахе, внимательно поглядывающий перед собой и по сторонам, и юный наследник престола Московского, буквально утопающий во взрослой одежде...

Глава 3

Уже близился посад Москвы, когда навстречу полусотне постельничих сторожей⁴ и охраняемому ею крытому возку вымахнул одинокий всадник. Подлетел, твердой рукой осадив гнедого жеребца-трехлетку, почтительно поприветствовал предводителя маленького, но вполне грозного воинства, перекинулся парой-тройкой веселых фраз с десятком знакомцев, после чего и пристроился на обочину, поближе к середине растянувшейся колонны. Не один. Увидеть друзей-приятелей он мог и попозже, а вот переговорить с младшим братом требовалось как можно быстрее, пока не набежали... гхе, всякие. Прямо на конях они приобнялись, после чего москвич недовольно попенял:

– Я уж думал, завтра будете. Поздорову, Егорка!

– И тебе здравствовать, Спиридон. Как семья, все ли живы-здоровы?

Родственник вопрос понял правильно, в трех словах успокоив младшенького – большой московский пожар обошел стороной дружное семейство Колычевых. Совсем без убытков, понятное дело, не обошлось, но это все так, мелочи жизни. Оглянувшись по сторонам, старший брат понизил голос и подъехал поближе:

– Ты за свою долю хлеба ни с кем не сговаривался? Или уже?

Родич непроизвольно вспомнил амбар, в котором три брата хранили годовой запас ржи и пшеницы, и коротко дернул головой:

– Нет.

– От и хорошо, от и славно!..

Облегченно вздохнув и расслабившись, Спиридон пояснил свою мысль:

– В городе опосля пожара глад начался. Пуд зерна уже втрое от старой цены стоит, да и тот долго у торговцев не залеживается. Свое да братца Филофейки я вдвое от прежней цены продал – сглупил, чего уж там!.. Так хоть на твоём зерне отыграюсь. Ещё сенцо хорошо пристроил, тут уж своего не упустил, хе-хе!

Увидев, как нахмурился и налился недовольством брат, глава семьи снисходительно пояснил свои действия:

– Не бойсь, Егорий! Я уж весточку до Тулы послал, чтобы дядька нам припасов закупил. По старой цене, само собой! Так что все свое вернем и в большом прибытке будем.

– Вот сразу бы так и говорил, а то...

Собеседников обогнал всадник в черных иноземных одеждах, тут же заинтересовав своей особой старшего брата.

– Ого, а лекаришка-то не совсем безнадежен! Неужто весь путь от Александровской слободы в седле проделал?

– Ну, так-то ему по чину полагается место рядом с царевичем. Только он всего единственный день в возке и высидел – на следующее утро прямо с побудки коня себе просить стал. Вот так и доехал, потихоньку да полегоньку.

– Что-то он у вас квелый больно, хворает, что ли?

– Есть немного.

Спиридон задумчиво огладил русую бородку и опять подал жеребца поближе к брату, вымолвив едва ли не шепотом:

– Про царицу слышал?

– Уж пять дней тому.

– Что говорят?

Теперь уже Егор незаметно оглянулся по сторонам.

⁴ Дворцовая стража, управлялась Постельничим приказом, отвечала за личную безопасность царя и его семьи.

– Всякое поговаривают, брате. Одни говорят – сама богу душу отдала, другие... Гм, в это не верят.

– Да уж.

Братья синхронно сняли шапки и перекрестили грудь.

– Так что?... Ну, не томи!

Спиридон некоторое время ехал молча.

– Сам знаешь, царица и до того хворала. А как случился пожар, так государь ее вместе с чадами и челядью в село Коломенское сразу и отправил. Подале от московских страстей. Вот там в один день и преставилась.

Всадники опять перекрестились, на сей раз обойдясь и без снятия своих отороченных мехом шапок.

– Захарьины-Юрьевы сразу воду мутить стали, чуть ли не в открытую кричать про злой умысел, порчу лиходейную да отраву. Другие выжидают, как государь решит, ну и гадают, на кого он опалу свою наложит. А иные бояре и вовсе почти сразу после похорон начали такие разговоры вести, что надобно бы великому князю подумать о новой царице. Мол, негоже ему вдовцом жить, да и детям его должный пригляд нужен, а людишки с митрополичьего двора те же слова и простому люду толкуют.

– Ишь ты!

– Государь-то во время пожара своими руками горячие уголья разметывал да бояр думных к тому же понуждал. Говорят, народу спас – видимо-невидимо. А как узнал весть черную, так прямо с лица спал. На похоронах убивался сильно, плакал...

– И?...

Старший Колычев неопределенно пожал широкими плечами:

– Как вернулся с Вознесенского монастыря⁵, так и затворился в своих покоях. Шестой день никого до себя не допускает.

– Да, дела. Что-то теперь будет?

Мимо, скрипя и нещадно покачиваясь на дорожных ухабах и кочках, проехал украшенный росписями и резьбой по дереву возок царевича.

– Про матушку-то знает?

– Ага, ищи дураков!.. Ну как с ним от такой вести сызнова чего дурного приключится? Только-только на ноги встал. Нет уж, пускай кто другой своей головой рискует.

– И то верно.

Пока братья разговаривали, возок и его охрана миновали не очень пострадавший от огненного несчастья посад и углубились в саму Москву. Дворцовые стражи тут же прекратили свои разговоры и стали хмуро смотреть по сторонам, подолгу разглядывая выжженные до земли остовы домов с провалами погребов и подполья, а также груды закопченных камней (или кирпичей) на месте печек. Чем дальше они ехали, тем меньше становилось неряшливых штабелей из обугленных досок и бревен и заметно больше мастерового люда, расчищающего пожарища под строительство новых изб и подворий. Всюду виднелись вереницы погорельцев, тянувшихся из города прочь, и доносился звонкий перестук плотницких топоров – город, как сказочная птица Феникс, возрождался из теплого еще пепла. Да он и не умирал, если разобратся, – ведь жизнь, несмотря ни на что, продолжалась... До самых стен Московского кремля родичи молчали, и только у Никольской башни младший брат тяжело вздохнул и еще раз перекрестился на икону Николы Чудотворца, расположенную поверх воротной арки.

– Не иначе за грехи наши Господь послал нам такое испытание!.. Много народу погорело?

Спиридон невольно отвел взгляд перед тихим ответом.

– Попы разом под три новых погоста землю освятили.

⁵ Место упокоения жен Московских князей.

Тем временем всадники, а за ними и возок втянулись в высокий проем ворот, и братьям пришлось прищипорить коней, догоняя хвост колонны. Впрочем, нахлестывать жеребцов особой нужды не было, ибо долгий путь небольшого отряда подошел к концу: воины спешили, довольно переговариваясь между собой, а возок, проехав чуть дальше и замерев прямо напротив Теремного дворца, выпустил из своего темного нутра няньку царевича Дмитрия. А следом и его самого. Худенький, бледненький мальчик в нарядном зеленом кафтане и штанах, темно-красных сафьяновых сапожках и такого же цвета шапочке, украшенной мелким жемчугом, – немного сонно похлопал своими невозможно синими глазищами, зевнул и без особого интереса огляделся по сторонам. Глядя на то, как царевича буквально окружила со всех сторон одна-единственная служанка, старший брат не удержался от усмешки:

– Смотри-тка, Авдотья прямо как наседка над ним квохчет!

Младший мимоходом почесал щеку, заодно отогнав надоедливую комару, и широко улыбнулся.

– Ну так! Ей за малым плетей не досталось, за лень да все хорошее.

– Чего так?

Егор огляделся и понизил голос больше обычного. Слышались только обрывки фраз:

– Стою на страже... Думал, блазнится! Шапку ему под ноги кинул да кафтан на плечи.

Он в перильца так ручками своими вцепился, аж пальцы побелели!.. Долго так стоял, я даже хотел кого из нянек кликнуть... Такая суматоха поднялась, что хоть мертвых выноси!.. Сам понимаешь! А он вздохнул этак тяжело, одежду мою с себя скинул и ушел. Потом постельничий дьяк⁶ едва плеткой няньку по заду не отходил за недогляд за Дмитрием Ивановичем, – а уж орал на нее так, что и во дворе все слышно было.

Спиридон задумчиво обзрел челядинку царевича, стараясь оценить у нее едва не пострадавшую часть тела, разочарованно цокнул языком и равнодушно отвернулся – было бы там чему страдать!..

– Давай уже к старшему, отпрашивайся да домой поедem.

– Это мы быстро!..

Об одном только в своих рассказах умолчал младший брат – о совсем не детском взгляде и признательном кивке, коих удостоился напоследок от царевича. Почему? Да кто его знает...

Если и было что-то интересное по дороге из Александровской слободы в Москву, то Дмитрий это благополучно пропустил – постоянное раскачивание возка вызывало в нем чуть ли не морскую болезнь. Правда, она быстро прошла: поначалу помогло присутствие ненавистного шарлатана, отчетливо нервничающего под ласковым взглядом юного Рюриковича. А на следующий день, когда Ральф Стендиш вдруг отказался от положенного ему места в возке (ха, меньше народу – больше кислороду!) и самочувствие немного пришло в норму, голову вдруг посетила удивительно светлая мысль. Насчет того, что он совсем не обязан весь световой день «наслаждаться» скукой и духотой внутри тряского средства передвижения и удивительно монотонными пейзажами снаружи. Зато вполне может этот же день хорошенько потренироваться, работая со средоточием. Пытаясь при этом отрешиться от продольных и поперечных покачиваний поскрипывающего четырехколесного «лимузина», едва заметного запаха конского пота и вездесущей дорожной пыли, позвякивающей упряжи и прочих многочисленных радостей долгого путешествия. В коем, надо признать, был и приятный момент. Один. Когда на третий день пути из-за каких-то мелких задержек их небольшой караван не успел к вечеру достичь жилья и для ночевки царевича и его служанки разбили небольшой, но очень богато отделанный шатер. Ночью ему удалось немного походить вокруг, вдоволь надышаться свежим воздухом, полюбоваться на звездное небо...

⁶ В переводе на нынешние звания – комендант, отвечающий за безопасность объекта.

Собственно, из-за своих упражнений он и само прибытие в стольный град Москву пропустил, уже привычно задремав днем на пару-тройку часиков. Поэтому внезапная остановка и поднявшийся многоголосый радостный гомон вокруг возка стали для Дмитрия настоящим сюрпризом – так толком и не проснувшийся, сонно-равнодушный ко всему вокруг, он вышел вслед за своей нянькой, тут же отворачивая лицо от пылающего в небе солнечного диска, и мельком осмотрелся. Все было смутно знакомым и одновременно абсолютно чужим: те же видимые купола церквей отчего-то имели непривычную форму и цвет (совсем не золотой), а вместо асфальта или хотя бы брусчатки под ногами была утоптанная до каменной твердости земля. Возвышающиеся в некотором отдалении краснокирпичные стены Кремля заканчивались совсем не памятными зубчиками в форме ласточкиного хвоста, а ровной двускатной кровлей-настилом, опирающейся своими опорами-балками как раз на те самые «хвостатые» зубчики. В дальнем углу двора спокойно стояли потемневшие от времени (или грязи) бочки, чей вид наполовину скрывала небольшая копенка золотистого сена... И множество чужих взглядов со всех сторон. Любопытных, равнодушных, радостных, даже несколько неприязненных – эти он ощутил острее всего. Жаль, не получилось рассмотреть «доброжелателей» поподробнее – нянька ловкими движениями поправила слегка перекосившийся в сторону кафтанчик, чуть-чуть передвинула шапку и едва заметно направила-подтолкнула в сторону малого «домашнего» крыльца. Недолгое путешествие по удивительно темным и запутанным переходам Теремного дворца закончилось в довольно небольшой горнице, при виде которой в памяти словно само собой всплыло название.

«Передняя».

За нею была еще одна горница, именуемая крестовой, с богатым иконостасом на одной из стен и маленькой подушечкой на специальной лавке – именно на нее он будет вставать коленями каждое утро и вечер, отдавая своей первой и последней молитве не меньше десяти минут. Затем светлица с тремя большими окнами – Комната, где с царевичем занимались мудрые и многожды раз проверенные наставники, обучая его всему, что должно знать и уметь наследнику престола Московского. Ну и наконец, небольшая, но очень уютная светлица – постельная, с довольно большим (и твердым) даже на первый взгляд ложем.

– Присядь, дитятко.

Незнакомая доселе верховая⁷ челядинка средних лет попыталась легонько надавить на плечи, понуждая его податься назад. И тут же получила внимательно-неприязненный взгляд и довольно чувствительный шлепок по запястью.

– Ох!

Пока она в растерянности глядела на первенца великого князя, в светлицу зашла отставшая в переходах Авдотья. Склонилась перед своим юным господином, поймала его разрешительный кивок, после чего начала спокойно расстегивать жемчужные пуговицы кафтанчика. Мимоходом пояснив растерянno переглядывающимся служанкам:

– Касаться Дмитрия Ивановича можно только с его на то дозволения.

За ее спиной раздалось еле слышимое фырканье. Впрочем, оно тут же утихло под очередным, на удивление тяжелым взглядом восьмилетнего мальчика. Челядинки еще раз переглянулись, затем одна из них недовольно нахмурилась и напоказ сложила руки под грудью, а вторая шагнула вперед и легко присела, коснувшись кончиками пальцев красного сафьяна сапог. Очередной едва заметный кивок – и царевича стали раздевать уже в четыре руки. Лег на ложе зеленый кафтан, к нему добавились штаны и пояс, к ним присоединилась шапка, шелковая рубашка, затем льняная нательная...

⁷ То есть дворцовая, придворная служанка. До отменяющего приказа постельничего боярина Авдотья считается личной служанкой (нянькой) члена царской семьи, что делает ее по статусу заметно выше остальных дворцовых служанок.

«Вот почему мне кажется, что в этой светлице кто-то решил вспомнить детство? Тормошат меня, будто я им какая-то кукла!»

Общий итог получаса суеты вокруг него можно было выразить всего тремя словами: раздели, помыли, одели. Конечно, восемь лет еще довольно нежный возраст, в котором собственная нагота не вызывает какого-то особого стыда или даже неудобства: чего такого интересного у него могут увидеть три взрослых и опытных в своем деле женщины? Да и потом, когда он станет старше, тоже ничего особо нового не добавится. А вот чужие руки на его коже – дело совсем иное. Каждое касание вызывало недовольную дрожь в средоточии, вдобавок появлялось ощущение, что у него своровали маленькую капельку силы. Незаметную и почти неосязаемую, но это только когда такая капелька одна. А если их десяток, другой, третий? Все, что ему оставалось, – стянуть всю доступную силу в источник и держать ее там мертвой хваткой совсем недетской воли. И терпеть, уже привычно давя в себе частые приступы бешеной злобы, а также невероятно сильного желания как следует обложить бесцеремонных нянек хорошим трехэтажным (они ведь сейчас на третьем этаже дворца?) матом. Воистину молчание – золото, но мало кто знает, как трудно его добыть!..

– А реснички-то какие длинные да пушистые! Ой лепо!..

– Кожа нежная...

– И волос густой да тяжелый, матушкин.

Две служанки дружно шикнули на третью, вдобавок сделав очень выразительные глаза. Нашла, дурища, о чем говорить!.. Метнув тревожный взгляд на подопечного, Авдотья достала из специального кармашка на своем платье резной костяной гребень, плавно присела рядом с ним и с явным удовольствием принялась за дело. Пряди, отросшие за время болезни почти до середины лопаток, когда-то мягкие и темно-коричневого оттенка, они медленно, но верно превращались в жесткую гриву черных волос с явственным стальным отливом. Расчесать и привести в порядок такое богатство стоило немалого труда и терпения (особенно по причине отсутствия последнего у царевича), но вместе с тем доставляло ей немалое удовольствие. А в последнее время и вовсе к концу немудреной процедуры у нее на лице обязательно появлялся легкий румянец, и начинали едва заметно поблескивать глаза – словно после кубка сладкого фряжского⁸ вина.

– Ну здравствуй, Митя.

Все три челядинки тут же согнулись в неглубоких поклонах, приветствуя бесшумно зашедшего в светлицу мужчину в кафтане царского окольного. Как и у всех в Кремле, одежды его были темны и почти без украшений, подчеркивая тем самым траур по царице Анастасии, но взгляд нес в себе скорее властный холод, чем печаль по родной сестре.

«А вот и дядюшка пожаловал, Никита Романович Захарьин-Юрьев. Годика два бы тебя еще не видать, совсем не огорчился бы!»

В памяти отчетливой занозой сидела доставшаяся по наследству легкая неприязнь. Очень уж любил дядя при любом удобном случае ласково и по-родственному потрепать племянника за пухлую щечку, что не доставляло последнему ну абсолютно никакого удовольствия.

– Притомился, поди, с дороги-то?

Каких-либо неприятностей со стороны родни или там возможных разоблачений он, все хорошенько обдумав и взвесив, не боялся. К постели малыш был прикован больше чем на полгода (восемь месяцев, если уж быть совсем точным) и особого наплыва посетителей, как ни старался, так и не припомнил. Затем было «чудесное» исцеление, до которого царевича Дмитрия успели соборовать⁹, а потом и обмыть. Перед тем как заботливо переложить бездыханное

⁸ Виноградное вино из Италии.

⁹ **Соборование** – церковное таинство, совершается над тяжело больным или умирающим христианином.

тело в кипарисовую домовину¹⁰, – вот об этом уже наслышаны были все. В основном, конечно, на уровне слухов и прилагающихся к ним разных домыслов... Но уж знатные московские бояре и духовенство точно знали все необходимые подробности. Тяжелый и неподвластный лекарям недуг, окончившийся чуть ли не смертью, затем долгое выздоровление в тиши и одиночестве – и кто удивится, если после таких испытаний у первенца великого государя резко поменяются характер и привычки? Скорее уж удивятся, если они останутся прежними.

«Если вообще обратят на это внимание. Шутка ли: открылась реальная возможность пропихнуть свою дочку или еще какую дальнюю родственницу подходящего возраста в царицы. Сожрать тех бояр, что попадут в опалу, упрочить влияние на царя или хотя бы сохранить то, что уже имеется...»

Времени подумать и прикинуть разные варианты поведения у него было более чем достаточно, и осознанная немота была еще не самым большим следствием этих размышлений. Вдобавок ко всему (конечно, если удалось правильно определить месяц и год своего второго рождения) он вот-вот станет или уже стал наполовину сиротой. В восемь лет. У его царственного отца в примерно схожем возрасте и ситуации характер поменялся ОЧЕНЬ сильно. Да и, в конце-то концов, ему ли бояться? Есть забота и поважнее. Судьба не дала ему детей в прошлой жизни, зато новая подарила сразу трех: братьев Ивана и Федора и сестру Евдокию. Незнакомых, но уже любимых. Семью. В наказание за малыша или совсем наоборот, в награду... Занятый внезапно накатившими мыслями и ожиданиями, царевич просто сидел и смотрел на дядюшку, который был старше него по возрасту, но отнюдь не по положению и титулу. Спокойно, без явного интереса.

– Так и молчит?

Ответом окольному был слаженный поклон служанок. Никита Романович тяжело вздохнул, задумавшись о чем-то своем, затем уведомил малолетнего племянника о том, что со следующего дня все его занятия с наставниками возобновляются, причем в полном объеме. Помолчал, ожидая от Дмитрия хоть какой-нибудь реакции, не дождался и едва заметно дернул щекой:

– Завтра на заутреню¹¹ в Успенском соборе сам за тобой зайду.

Равнодушно скользнул взглядом по челяди, развернулся и, тяжело ступая, вышел – на сей раз совсем не утруждая себя сохранением тишины.

Остаток дня прошел... Скомканно, скажем так. Постоянно кто-то мелькал в соседней комнате, пришли, в скорбном молчании постояли и ушли две смутно знакомые женщины, опознанные как любимые комнатные боярыни¹² царицы Анастасии. Затем весьма дородная мастерица сняла с него мерки для нового платья – хоть он и болел, а расти не переставал (и слава богу!). Ужин из рассыпчатой пшеничной каши с кусочками мяса, причем последнего было едва не больше, чем первого. Вечерняя молитва в крестовой, в обществе попа, не без труда опознанного как личный духовник царевича Агапий. И укладывание в постель, в котором поучаствовал все тот же состав верховых челядинок. Авдотья уже привычно раздевала, вторая занималась постелью, весьма качественно взбив обе пуховые подушки (был бы вместо них человек – вполне можно было квалифицировать как нанесение тяжких телесных повреждений), а третья торжественно принесла и поставила на видном месте ночной горшок. Он же – бадейка деревянная, расписная, резная и вообще по-всякому изукрашенная. Наверное, чтобы пользоваться было приятнее.

Вообще, некоторые люди вспоминались с первого взгляда – тот же дядюшка тому яркий пример. Или взять хотя бы ту няньку, что так лихо сдернула с него сапоги. Как только зашла,

¹⁰ Домовина – гроб.

¹¹ Заутреня – утренняя служба в церкви.

¹² Личные, особо доверенные служанки царицы. Как правило, набирались из незнатных служилых дворянских родов.

так в голове сразу и появилось ее имя – Алевтина¹³. Угадали родители с имечком, ничего не скажешь!.. Другие люди, и было их уже заметно больше, узнавались словно бы через пелену дождя – нехотя и кое-как. Но узнавались. В отличие от явно знакомых, но полностью безымянных верховых служек и постельничих сторожей, – словно бы видел он их чуть ли не с младенчества, но проходили они исключительно по категории «живые предметы обстановки». Хотя чему уж тут удивляться? В сословном обществе бывает и не такое... Сон пришел легко и незаметно – впрочем, как и всегда после его вечерних упражнений со средоточием. Легкий, цветной и абсолютно незапоминающийся: нахватавшийся всего за полдня впечатлений разум тасовал все, что увидел и услышал, в стройные цепочки воспоминаний, раскладывая их затем по полочкам памяти...

А вот пробуждение на новом месте что-то не порадовало. Открыв глаза от легчайшего прикосновения к плечу, Дмитрий пару минут бездумно смотрел на суetyающуюся по его спальне Авдотью. Затем, с некоторым трудом, осознал сразу две вещи. Во-первых, ему очень не нравится просыпаться НАСТОЛЬКО рано – подсвеченная звездами тьма за единственным узеньким окошком и собственное чувство времени в один голос утверждали, что на дворе никакое не утро. Потому как половина четвертого часа после полуночи – это только и исключительно ночь, а кто считает иначе, тот просто больной на всю голову извращенец!.. А во-вторых, отныне и на долгое время вперед подобные побудки станут для него нормой: царская семья была опутана множеством цепей старинных традиций. Одной из которых было обязательное присутствие всех членов семьи на воскресной заутрене в Успенском соборе. Обязательное! Как и регулярная раздача милостыни, участие во всех больших церковных праздниках, обязательные поездки по святым местам, участие в соколиной охоте и многом-многом другом. Для него же, как наследника, это самое «многое» было еще больше и категоричней – особенно это касалось обучения наукам и языкам. Вдобавок, как только он войдет в должный возраст (ждать этого события оставалось не больше двух-трех лет), его начнут приучать и к делам правления. Поначалу – во время каждого заседания Боярской думы или приема чужеземных послов он будет сидеть в специальной горенке над входом в Грановитую палату¹⁴, прилежно слушая и запоминая все происходящее. Затем позади отцовского трона (или еще где-нибудь в укромном уголке) появится небольшая такая скромная скамеечка. Для него. Чтобы не только слушал, но видел, кто, что и как говорит. Потом, когда посчитает нужным отец, его пошлют на «преддипломную практику» в Тверь – традиционную уже вотчину наследников престола. А лет в шестнадцать-семнадцать начнут подыскивать невесту...

– Ну, где он там?..

С усилием отогнав незаметно подкравшийся сон (спасибо, дядюшка!..), Дмитрий встал с ложа, на которое присел с четверть часа назад, и зашагал навстречу ранней пташке Никите свет Романовичу. Вернее, вслед за ним: увидев малолетнего племянника, тот без лишних слов развернулся и направил свои стопы под своды Успенского собора. По пути (кстати, не такому уж и долгому) царевич с некоторым удивлением узнал, что он просто невозможный засоня. Потому что количество челяди, суetyающейся по хозяйственным делам, и бояр, возжелавших духовного окормления в столь несусветную рань, было столь значительно, что становилось непонятно – когда все они вообще спят. Да и спят ли? Тот же окольный, чья грузная фигура в данный момент служила ему путеводной звездой, совсем не выглядел человеком, умирающим от непосильных нагрузок.

«Наверное, тоже, как и я, любят поспать днем. Часик-другой. Хе-хе, третий-четвертый, да еще и не в одиночестве».

¹³ Сильная (лат.).

¹⁴ **Грановитая палата** – главный парадный приемный зал великокняжеского дворца. В ней проходили все официальные мероприятия вроде приема послов, заседаний Боярской думы, больших пиров в честь побед и так далее.

Сам храм... Даже не так – Храм Божий! – юного наследника впечатлил. Своей красотой, свежими, как будто только вчера закончили, красками настенных росписей, изобилием золота и драгоценных камней на окладах больших и малых икон, умиротворяющим сиянием множества свечей и наличием чего-то такого, что можно было бы назвать возвышенной радостью. А еще чем-то таким неуловимым и непонятным, но определенно интересным. Словно какая-то часть его души резонировала в такт с белокаменной громадой храма, самым краешком прикасаясь к истекающей из него спокойной силе...

– Да проснись ты уже!

Увлечшись столь новым и абсолютно неожиданным ощущением, Дмитрий пропустил тот момент, когда надо было остановиться, и уперся головой прямо в дядюшкину спину. Ничуть не расстроившись, спокойно отстранился, повел головой по сторонам и вновь выпал из реальности, потому что рядом переминался с ноги на ногу удивительно похожий на него мальчик примерно шести или пяти лет.

«Иван!»

Жадно ищущий взор прошелся дальше, отыскав вначале трехлетнюю Евдокию на руках у дюжей мамки, а потом и четырехлетнего Федора – тоже на руках, но у незнакомого боярина. Пристально всмотрелся в младших сестру и брата, перевел взгляд на среднего...

«Да, к таким пухлым щечкам рука прямо сама по себе тянется. Херувимчики, да и только! Федя спит с открытыми глазами. Эх, тоже хочу!!! Дуня вроде как недавно плакала, один Иван полон сил и энергии. А нет, тоже позевывает, да так заразительно!»

Внезапно собравшуюся в храме толпу (иначе и не скажешь) бояр охватила мертвая тишина. Прокатилась волна тихих говорков, еще одна, а затем в полнейшей тишине раздались шаги сразу нескольких человек. Где-то за спиной Дмитрия кто-то кому-то сдавленно прошептал:

– Говорил же я тебе, что великий государь на заутрене будет, а ты?!.

– Цыц!

Хоть и стоял Дмитрий в самых что ни на есть первых рядах, а отца увидел только мельком – тот, быстро пройдя по моментально образовавшемуся перед ним проходу, встал на Царское место¹⁵. Тут же в храме стали гаснуть свечи, и вознесшийся к сводам сочный бас возвестил о начале заутрени:

– Бог Господь, и явился нам, благословен Грядый во Имя Господне!

Голос священнослужителя, выводящий первые строки шестопсалмия¹⁶, был настолько силен и низок, что отдавался в голове легким гулом, проникая чуть ли не до костей.

– Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...

«Силен! Прямо живой генератор инфразвука получается!..»

Ему, впервые попавшему на такое богослужение, все было интересно и в новинку, а вот его средний брат после первых десяти минут гулко-го молитвенного «бдения» стал потихоньку поклевывать носом. Разумеется, многоопытный дядюшка такие моменты отслеживал прекрасно (и густой сумрак ему в этом совсем не мешал), тут же взбадривая племянша едва заметным тычком в плечо. Ткнул раз, потом другой... А после третьего другой его племянник не выдержал и сделал ровно два шага вбок, вставая в аккурат за спиной брата Ивана. Положил ему руки на плечи, чуть-чуть прижал к себе и дружелюбно улыбнулся, когда тот от неожиданности повернул голову. Легонько кивнул на священника, наконец-то добравшегося до отпуста¹⁷, и тихо-тихо прошептал:

¹⁵ Почетное место царя в православном храме включало в себя огражденное сиденье за отдельным входом и богато декорированный деревянный шатер на резных колоннах, который обычно был увенчан изображением короны или двуглавого орла. Царское место в Успенском соборе называли Мономахов престол.

¹⁶ **Шестопсалмие** – основа первой части утрени.

¹⁷ Отпуст – особая молитва, заканчивающая службу благословением присутствующих на ней.

– Немного осталось.

Услышав в ответ такое же тихое:

– Ага.

Сквозь длинные и узкие окна-бойницы под куполами виднелось серое небо, когда утих последний звук заканчивающей службу молитвы. Выдержав приличествующую паузу, шевельнулся государь, вслед за ним свободнее вздохнули его ближники, ну а потом этот почин подхватили и остальные бояре, наполнив воздух шорохом одежд и осторожными шепотками.

– Митя, а ты де был? Я заходил, а тебя все не было и не было...

Средний брат так и стоял, даже не пытаясь вывернуться из-под рук, даже наоборот, прижался чуть поближе. Дмитрий тихонечко вздохнул, но ответить не успел – к ним подошел Великий государь, царь и Великий князь Иван Васильевич всея Руси¹⁸. Привстал на одно колено, слабо улыбулся, обхватывая и одновременно притягивая к себе сыновей, ласково взъерошил им волосы и ненадолго замер, позволяя себя рассмотреть. Едва заметные морщины на лице, тени под глазами, резко обострившиеся черты лица – двадцатидевятилетний великий князь выглядел заметно старше своего реального возраста. А еще, кроме тщательно скрываемой тоски и застарелой боли, в его глазах можно было увидеть утихшую на время жестокость и обещание большой крови. Ничего не забыл государь, никому не простил: ни сиротства своего, ни того, как они голодали и мерзли в собственном дворце с младшим братом Юрием. Ни бесчинств боярских, ни смертей близких людей, с матери и кормилицы начиная и любимой супругой заканчивая...

– Ну что, чадушко мое, выздоровел? Ты уж не более больше у меня, ладно?..

– Хорошо, батюшка.

Тишина вокруг установилась такая, что хоть ножом режь. Сколько было пересудов про странную немоту первенца и наследника царя, сколько глубоких мыслей и предположений высказано!

– Так ты у меня говоришь?! А что же ранее молчал?

Царевич чуть повозился, высвобождая из родительских объятий руку, потом прикоснулся к собственному горлу:

– Больно. Только с тобой. И братом. Все.

Судя по тому, как жестко изогнулись губы пока еще не Грозного царя, некоему лекарю придется сильно постараться, чтобы сохранить свою никчемную головушку на плечах. Быстро перецеловав все свое потомство, в том числе и то, что провело всю службу на чужих руках, напоследок он потрепал старшенького по щеке.

«Да что же это за напасть такая!!!»

Отойдя от детей, великий князь холодно осмотрел всех присутствующих и направился на выход, более не обращая никакого внимания на множество согнутых в поклоне спин. Следом за ним поспешила полным составом вся его Избранная рада (разве что митрополит Макарий задержался у алтаря), затем пришел черед царевичей и царевны... И только потом, строго по знатности рода, собор стал покидать остальной «простой» боярский и дворянский люд.

«Что ж, ближний круг царя ожидает масса перемен!..»

¹⁸ Именно так звучал в то время царский титул.

Глава 4

Добравшись до своих покоев в Чудове монастыре, архипастырь Московский и всея Руси Макарий первым делом склонил слух к словам своего комнатного боярина¹⁹, еще днем отправленного до царевича Димитрия Иоанновича. Потом слегка развел в стороны руки и ненадолго замер, помогая служкам снять с себя подризник²⁰ и гамматы²¹. Отослав затем их всех прочь мягким движением руки, седовласый старец вздохнул и чуть сгорбился, ощущая на плечах всю тяжесть своих без малого восьми десятков лет. Привычно ныла спина и колени после долгой службы, чуть покалывало в висках... Еще один долгий день, ниспосланный ему Господом, подходил к концу. Омыв прохладной водой лицо и руки, Макарий утерся небольшим рушником²² с затейливым узором по краям. Чуть задержал его в руках, припоминая ту, кто самолично вышел эту красоту, – то есть покойную (царствие ей небесное!..) царицу Анастасию.

Затем мысли перескочили на ее детей, перебрали их и окончательно остановились на первенце и наследнике престола. Медленно присев на лавку рядом с треугольным столом, в несколько слоев заваленным свитками, митрополит парой небрежных движений расчистил место для собственного локтя, опер на него голову и призадумался. Успехи девятилетнего отрока в учении... Странные успехи, очень странные. Наставники мальчика не устают поражаться его способностям к цифири, а кое-кто из них и вовсе утверждает, что Дмитрий дольше записывает готовый ответ на листе бумаги, чем, собственно, слагает числа или же умножает их. И ведь неизменно ПРАВИЛЬНЫЕ ответы!.. Читает тоже выше всяческих похвал, не всякий опытный дьяк за ним угонится. Слову Божию учится хорошо, хоть и без особого усердия, зато в храмы ходит с явным удовольствием, несколько даже раз видели, как улыбается. Н-да!.. А вот с изучением языков не все так благостно, как хотелось бы, потому как царевич изрядный молчун. И боярин Канышев им тоже не вполне доволен, говорит, что тот, пока болел, совсем разучился сабелку в руках держать. Даже Иван, средний брат, с ней лучше управляется, а ведь младше наследника на два года! Ну да то и ладно. Как-никак будущему государю сабля да языки чужеземные не самое главное. У мудрого в делах правления царя и толмачи сведущие всегда найдутся, и воеводы опытные. А уж желающих да умеющих саблями помахать на Руси завсегда в достатке было – с такими соседями, как Литва, шведы да Крымское ханство, поневоле и научишься, и захочешь.

– Владыко?..

Еще один комнатный боярин тихонько вошел, подождал, пока его заметят, не дождался и почтительным голосом обозначил свое существование. После властного жеста передал из рук в руки небольшой свиток – послание из Кирилло-Белозерского монастыря, еще раз поклонился и вышел. Пергамент, ненадолго задержавшись в иссохшей от времени и церковных постов руке, выпал и присоединился к другим свиткам на столе. С делами да посланиями он будет разбираться завтра!.. Тем более что если было бы что-то срочное, ему бы так и сказали. Тем временем мысли с наследника повернули на самого государя, Иоанна Васильевича. Давно ли они, вся его Избранная рада, собирались в царских палатах за неспешным разговором да думами, как лучше обустроить Русь?.. А теперь – иные в опале, а иных и вовсе нет. Любимец государя и большой умница окольничий Адашев Алексей уехал в добровольную ссылку в Ливонию, третьим воеводой Большого полка. Через полгода переведен в Юрьев. Тут же взят под стражу, а спустя каких-то два месяца тихо умер в темнице от горячки. Кое-кто говорит – отравлен

¹⁹ **Комнатный боярин** – личного порученца, особо приближенного и доверенного боярина.

²⁰ Богослужебное одеяние митрополита.

²¹ Ленты, стягивающие рукава у запястья. Символизируют ток крови из ран на руках Иисуса Христа.

²² **Рушник** – полотенце.

недругами! Ближник царя, священник Благовещенского собора Сильвестр – сослан навечно в Соловецкую обитель. Князь Курлятьев отправлен воеводой в Смоленск, и поговаривают, что он вот-вот получит полную отставку. Князья Воротынские, Горбатый-Шуйский, Шереметевы... Вроде бы и при дворе, но прежнего доверия, а вместе с ним и влияния на дела государственные больше не имеют. Часть доверенных бояр уехала с посольствами: дьяк Иван Висковатов в Литву насчет ливонских дел; а бояре Вокшерин и Мякинин отбыли сватать дочку у князя-валии²³ Малой Кабарды Темрюка Идаровича. И кто остался при великом князе? Он, митрополит Макарий, да князь Курбский, вот и все.

Служка, двигаясь неслышимой тенью, принес и поставил простой деревянный кубок с горячим медовым сбитнем. А хозяин митрополичьих покоев, даже его не заметив, сокрушенно вздохнул и покачал седой головой: что-то будет дальше? Нрав великого государя переменился, от прежней мягкости, почитай, ничего и не осталось – жестокосерд, скрытен, на ближних своих глядит так, будто в чем подозревает... О-хо-хо, как-то оно сложится дальше? Впрочем, как бы ни переменился Иоанн Васильевич, одно у него осталось по-прежнему. Даже более того – как начинает вести речь о детях своих, так явно умиротворяется, а если касается первенца, так и вовсе светлеет ликом. Радует его наследник, радует. Смышленостью своей, даровитостью, разумением, а особенно – тем, как держит себя. Будто и не девять лет ему, а все пятнадцать. Истинная царская кровь!.. Макарий огладил бороду и внезапно вспомнил то, что видел сам: седмицы две назад, на заутрене в Успенском храме, дядя наследника боярин Никита Романович положил племяннику руку на плечо, вернее, попытался положить, – как ее тут же резко сбросили, и окольный Захарьин-Юрьев повторять своего начинания не рискнул. Потому как не в том уже возрасте царевич Дмитрий, чтобы ему прилюдно обиды чинить. Хм... правду, значит, ему поведали – не терпит мальчик чужих прикосновений, только от батюшки, братьев да личной служанки. Нелюдим, на сверстников внимания не обращает. Занятно... Еще людишки поговаривают, что временами у него очень тяжелый взгляд становится – особенно когда он чем-то раздражен. И веет чем-то таким, нехорошим. Собственно, именно это и послужило одной из причин сегодняшнего приглашения наследника на небольшую беседу. А второй причиной была необходимость совета государю – вчера он, радостный и одновременно слегка озадаченный, поведал Макарию о просьбе своего первенца. Который очень настойчиво пожелал научиться лекарскому делу, видя в наставниках личного царского врачевателя Арнольда Линзея. Хм... не только личного, но и вообще единственного на данный момент. Потому как врачеватель Ральф Стендиш второй месяц не встает с ложа и, по всему, вряд ли вообще когда-то встанет, медленно угасая от грудного кашля. Что же он за врачеватель такой, что самого себя вылечить не в состоянии? Тьфу!.. Кхм, о чем это он? Ах да! Попросил его государь о совете – стоит ли дозволить сыну подобную блажь? И приличествует ли наследнику православного царя вообще заниматься подобными науками?

– Владыко?

Кивнув комнатному боярину, Макарий почти сразу ласково улыбнулся, приветствуя царевича Дмитрия.

– Проходи, отрок. Садись вот здесь, поближе, дай на тебя посмотреть. Вырос как, окреп! Совсем скоро взрослым станешь...

Мальчик в ответ на приглашение со всем вежеством еще раз поклонился, уселся и принял предложенный ему сбитень. Чуть-чуть отпил, устроил кубок в переплетении кистей, кои опустил на колени, и вопросительно уставился на хозяина. Вопросительно и ОЧЕНЬ выразительно. Что же, улыбнулся про себя митрополит, слухи определенно не вдали.

– Батюшка твой, великий государь Иоанн Васильевич, поведал мне о твоей просьбишке малой. Скажи, отрок, для чего ты хочешь познать лекарское дело?

²³ Верховный князь.

– Чтобы исцелять болезни.

Перед мысленным взором церковного иерарха промелькнуло видение толп нищих и убогих, заполняющих Кремль.

– У кого же?

– Своей семьи.

– И только?

Еще один выразительный кивок, и видение нищих и калек бесследно растворилось. Остался лишь мальчик, мать которого умерла от неизлечимой болезни, и его детское желание защитить братьев и сестру от подобной участи.

– Гм... отрадно.

Глядя на то, как мальчик опять пригубил подостывший сбитень, митрополит начал склоняться к тому, что врачевательское учение можно и разрешить. С некоторыми ограничениями, конечно, – но все же.

– Что ж, благословляю тебя на сей труд. А ведь у меня для тебя и подарок есть. Мне сказали, что ты книги любишь?.. Поддай-ка вон тот сверток. А лучше сам его и разверни.

Освобождаясь от плена посконной тряпицы, на свет показалась небольшая, но изрядно толстая книга в невыразительно-коричневой кожаной обложке, без каких-либо надписей и украшений. Юные руки аккуратно огладили заметно засаленные уголки переплета, подцепили и перевернули первую страницу...

– Книга глаголемая Вертоград Прохладный, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещах, ко здравью человекам пристоящих.

Отметив на удивление звонкий голос царственного молчуна, Макарий негромко пояснил:

– Книгу сию собственной рукой написал Николай Любчанин, лечец деда твоего, государя Василия Иоанновича, в году семь тысяч сорок втором от Сотворения мира. За три года до своей смерти.

– И через год после смерти деда моего.

– Хм?..

Разговор определенно начинал приносить удовольствие. Как-то резко вспомнились слова духовника царевича Агапия про то, что подопечный частенько ставит его в затруднительное положение своими вопросами... Острый ум в столь малом возрасте – это очень хорошо!..

– Все верно. Быть может, ты хочешь спросить меня о чем-то еще?

Согласный кивок тут же предварил первый вопрос:

– Отче, ты знал бабушку мою, государыню Елену Васильевну. Какая она была?

– Хм?.. Царственная. Сильная, если ты понимаешь, о чем я, отрок. Умная и весьма прозорливая.

Вспомнив дела дней минувших, Макарий немного расслабился, отпил сбитня и настроился на благодушный лад.

– Отче. А ты не знаешь, кто именно из ближних бояр ее отравил?..

– Кхе-кха-кха!..

– Отчего же, сыне мой Уар²⁴, ты не даешь себя остричь? Ведь сказано святым апостолом Павлом: не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него?²⁵

Вместо ответа довольно рослый для своих девяти (уже три месяца как) лет мальчик повернулся к небольшой книжной полке, что была до этого у него за спиной, уверенно подхватил средних размеров том и раскрыл его на одной из многочисленных закладок. Затем отошел немного в сторону, оставив указательный палец на нужном месте.

²⁴ Так называемое прямое имя, которым младенец нарекался в честь того святого, память которого отмечалась в день его рождения. Являлось дополнительным и абсолютно не публичным, применялось только близкими людьми.

²⁵ Послание к Коринфянам, глава 11, стих 14.

– Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла, глава одиннадцатая, стих четырнадцатый. Гм... Что же, сыне, хвалю за знания твои и усердие. Отраднo мне видеть...

Но вслед за первой книгой пришел черед и второй. Тихонько зашуршали листы желтоватой пергаментной велени, вновь коснулся строчек древнего устава палец, и духовник царевича Дмитрия заметно упавшим голосом прочитал:

– Притча о Самсоне и Далиле.

Новый шелест пожелтевших от времени пергаментных страниц и легкое движение руки, слегка чиркнувшее кончиками ухоженных ногтей по блеклой, но (к некоторому сожалению священника) очень четкой миниатюре, изображающей трех апостолов. К сожалению – потому что у всех троих, как на грех, были длинные волосы.

– Э-э?.. М-да.

Отец Агапий отчетливо вздохнул и в очередной раз вспомнил того милого и послушного мальчика, коим был его духовный сын всего какой-то год назад.

– Хорошо, оставим это, до времени.

Подойдя к массивной подставке для книг и лежащему на ней громадному фолианту, он ненадолго задумался, затем рассеянно перекинул десяток страниц.

– Чти, отрок. Отсель и до самого конца.

Царевич тут же согласно кивнул и удивительно быстро заскользил специальной резной костяной указкой по ровным наклонным строчкам младшего полуустава²⁶.

– Вслух?..

Движение указки даже не замедлилось. Да и вообще было незаметно, что царственный ученик слышал своего наставника, что последнего весьма и весьма огорчало.

– М-мдам!..

Через довольно короткое время костяной кинжальчик замер на последней строке «Сказания о десной руке святого Иоанна Предтечи, крестившей Господа», а внимательный взгляд насыщенно-синих глаз приобрел явственный вопросительный оттенок. Агапий на это лишь беззвучно вздохнул, в который уже раз сокрушаясь упрямству царевича. А заодно поражаясь его же умению донести до остальных все свои желания. Вот как сейчас, например, – даже и малого звука не сорвалось с юных губ, а духовнику стало понятно, что от него ждут новых заданий или поучений.

– На сем ныне и закончим. Уроком²⁷ же твоим будет переписать до дня субботнего кафисм²⁸ осьмнадцатый из Псалтири. Все ли понял, отрок?

Увидев согласный кивок, святой отец еще раз тихонечко вздохнул, одним слитным движением перекрестил ученика, после чего и убыл из светлицы. Оставив дальнейшую заботу о тяжеленном фолианте с интригующим названием «Жития святых» на девятилетнем хозяине покоев.

«Вот интересно, и с кого это такую толстую кожу содрали на обложку, а? Листы-то понятно, безвозмездный дар от новорожденных телят на богоугодное дело».

Быстро подсчитав общее количество страниц из белого полупрозрачного пергамента, переплетенных в большущую книжищу с потемневшими от времени бронзовыми застешками

²⁶ Первым почерком в русском правописании был УСТАВ, его характерная особенность – отсутствие разделения между словами и квадратные буквы. В XII–XIII веке его сменил ПОЛУУСТАВ, в котором уже присутствует разделение на слова, но форма букв практически не изменилась. Младший полуустав отличается обилием сокращенных слов и титлов, надстрочных знаков, а также более округлым написанием букв. Примерно с середины XV века появляется СКОРОПИСЬ, в которой уже присутствует индивидуальный почерк писца, у каждой буквы несколько вариантов написания, зато отсутствуют любые промежутки между буквами и словами. Читать скоропись без хорошей подготовки было очень трудно, а зачастую и вообще невозможно.

²⁷ **Урок** – задание.

²⁸ Церковнославянское название любого раздела Псалтыря, библейской книги Ветхого Завета. В такой раздел входит от 6 до 9 молитвенных псалмов.

(в закрытом виде «Жития...» больше всего напоминали ему маленький сундучок), Дмитрий уважительно качнул головой. Чуть больше трехсот листов!.. Учитывая же тот факт, что из одной телячьей шкурки при всем желании получалось не более двух страничек... Можно было смело утверждать, что перед ним лежало целое стадо. Только, так сказать, в очень концентрированном виде.

– И-иуф!

Бум.

Сборник биографий и мемуаров высокочтимых православной церковью святых заметно прогнул совсем нетоненькую книжную полку с учебными пособиями царевича.

«Тяжеленный какой! В следующий раз пусть этот Купидон²⁹ сам свои книжки таскает. Хм... а с другой стороны, ее можно использовать в качестве штанги, что открывает интересные перспективы».

Достав с той же полки новехонький томик Псалтири, прилежный ученик повертел его в руке и задумался – сейчас переписать порядком поднадоевший уже кафисм или заняться чем-нибудь поинтереснее?

«Мне эти псалмы скоро уже сниться начнут. Такое впечатление, что меня в монахи готовят или писцы!»

Потыкав пальцем в тоненькую пачку желтовато-сероватой рыхлой бумаги с неровными краями и презрительно покривив губы (какое убожество!), он перевел взгляд на три гусиных пера. И тут же почувствовал, как весь его трудовой порыв бесследно уходит в никуда – одна только мысль, что перед упражнениями в каллиграфии ему придется вдосталь потренироваться еще и в очинке перьев³⁰... Фу! Одна из тех немногих премудростей, коей он так и не смог освоить. Пока. Может, мелкая моторика пальцев хромала, а может, просто отсутствовало должное желание, но на одну удачную попытку заострить и расщепить перо так, чтобы им можно было писать, приходилось самое малое три неудачных. Особую же пикантность его мучениям придавало невысокое (и это еще ОЧЕНЬ мягко сказано!) качество бумаги. Слабо надавишь острием – перо не пишет. Сильно надавишь – тут же рвет рыхлую бумажную гладь, вдобавок щедро окропляя ее брызгами и кляксами. Кругом одно расстройство...

«Эх, сейчас бы мне сюда десяток листиков собственного производства!»

Дмитрий мечтательно прикрыл глаза, вспоминая, какие шедевры порой выходили из-под его рук. С орнаментом из живых цветов, с узорами из трав, оттенками самого разного, но неизменно сочного цвета, затейливо обрезанными краями!.. Лепота, одним словом.

Донн!..

Густой и протяжный звон самого большого колокола Успенского собора тут же подхватило множество его меньших собратьев в звонницах других храмов и мелких церквей, намекая тем самым православному московскому люду, что неплохо было бы порадеть и о душе. Хотя бы мимолетно. А заодно переводя мысли наследника в более практическую плоскость: до прихода следующего наставника оставалось не больше двух часов, и следовало поскорее решить, чем он займет свободное время. Можно было поработать пером, но делать это девятилетнему отроку совсем не хотелось. Голода он не чувствовал, желания побездельничать тоже. Подышать свежим январским воздухом?.. Было бы неплохо, да. Но – увы, не пустят. Без надзора и сопровождения не пустят, понятное дело – царственный отец желал полностью исключить из жизни своего первенца любые неприятные неожиданности. Так что поморозить щеки можно, но это будет не прогулка, а медленное шествие под конвоем из доверенной верховой челядинки и парочки постельничих сторожей. То есть сплошная тоска да скука – туда нельзя,

²⁹ **Агапий** – в переводе с греческого любовь.

³⁰ Чтобы писать гусиным, да и любым другим пером, его вначале требовалось заострить, причем строго определенным образом, а потом еще и легонько расщепить. Очень специфический навык...

сюда тоже (царевичу невестно!), и даже просто побегать всласть и то не получится – ибо негоже наследнику престола Московского уподобляться каким-то там простецам. Если желает игр и увеселений, так к его услугам есть специальная ледяная горка (с которой он, как идиот, будет кататься в полном одиночестве), потешные палаты со специально обученными людьми (ага, скоморохи и карлы наше все, как и балалаечники) и даже артисты разговорного жанра, называемые верховыми богомольцами. Могучие старики, всегда готовые поведать пару-тройку поучительных баек на любую заданную тему или поделиться избранными воспоминаниями о своем участии в дальних странствиях и славных походах. А ежели будет на то желание слушателя – то и подробно, с многочисленными примерами, рассказать о всех дрязгах и раздорах знати на Руси. Причем самое малое – за последние сто лет.

«Коты-Баюны московского розлива, блин!»

Но если и это чем-то не устраивало царственного отрока, он мог разогнать скуку с наставником в воинских умениях. Благо тот всегда был рад нагрузить чем-нибудь полезным своего воспитанника. Сабелькой помахать до слабой испарины, пометать из детского лука стрелы в мешок с соломой, растрепать копьём соломенное же чучело... Был бы ученик, а занятие ему всегда найдется!..

«Эх, бедный я, несчастный! Пройтись, что ли, по дворцу?»

Но по зрелом размышлении и эту идею пришлось забраковать. Ближе к вечеру – возможно, а пока в переходах и горницах Теремного дворца явный переизбыток постороннего боярского люда. Соответственно, слишком много любопытствующих или просто внимательных взглядов будет его встречать и провожать. Как ни крути, а удовольствие крайне сомнительное.

«Ну что же, тогда остается одно. Пойти и предаться усердной молитве – и время скоротая, и аппетит, хе-хе, нагуляю».

Крестовая комната встретила его теплом от солнечных лучей на заиндеветшей слюде, ровными квадратами заполнявшей глухой оконный переплет, сладковатым запахом масла от небольшой лампадки и служкой, подметающим пол. Уже привычно не обращая на челядь ровным счетом никакого внимания, Дмитрий преклонил колени перед центральной иконой в иконостасе (причем не абы как, а на специальную войлочную подушечку) и неспешно перекрестился. Еще медленнее закрыл глаза, и доселе спокойное средоточие тут же пробудилось, засияв жемчужными переживаниями света в такт ударам сердца. Чуть сжалось, затем резко расширилось, ошестившись иголками разрядов, отдающихся по всему телу, заструилось ласковым теплом по... Каналам, линиям, сосудам, а быть может, и тем самым пресловутым чакрам?.. Он по сию пору затруднялся описать словами все то, что чувствовал и ощущал. Да и так ли это важно? За год новой жизни он продвинулся дальше (или глубже), чем за добрый десяток лет старой. И еще продвинется. Чего бы ему это ни стоило!..

Служка, закончивший свои хозяйственные дела и уже собирающийся уходить, поглядел на замершего перед святыми ликами царевича и почтительно перекрестился. А Дмитрий... Легким усилием воли изменив ритм пульсации средоточия, он стал давить волей, заставляя его пылать, – и почти сразу проявился тусклый рисунок. Чем больше ярилось средоточие, тем сильнее наливались светом энергетические линии тела, отчетливее проявлялось разветвленное древо нервной системы и обретали четкость очертания сосудов, сплетаясь воедино в невероятно красивый, и вместе с тем сложный и запутанный, Узор. И тем быстрее прежнее ласковое тепло становилось солнечным зноем. Пока терпимым, но это только пока.

«Еще на полчаса меня точно хватит».

С каждым ударом сердца, с каждым ровным вздохом, с каждым мгновением он все глубже и глубже погружался в удивительный, затягивающий неукротимым водоворотом новый мир...

Неторопливо доев свой утренний кусок пирога с вязигой и запив его сочный рыбный вкус горячим взваром иван-чая, верховая челядинка Авдотья привычно глянула на небольшое окошко, еще недавно плотно прикрытое обитой войлоком ставней. Потянулась сытой кошкой, подхватила и приладила на место головной плат, после чего ненадолго замерла, наслаждаясь последними мгновениями безделья. А еще ей в последнее время очень нравилась тишина...

Тук-тук!

К двери ее личной горенки кто-то негромко приложился костяшками пальцев, и почти одновременно с этим она бросила последний взгляд на окошко: еще недавно темная, слюда на знакомом до последнего изгиба и заусенца переплете из свинцовых полосок посерела и налилась полупрозрачным светом, знаменуя скорый восход солнышка. Значит, пришла пора и ей приниматься за привычные дела. Под ноги ложились полутемные переходы Теремного дворца, раскрашенные тенями от колеблющихся под сквозняком огней факелов и редких масляных светильников, часть постельничих сторожей приветственно ей улыбалась и подмигивала, провожая статную семнадцатилетнюю служанку долгими взглядами... Как и большая часть попадающихся ей навстречу челядинок. Только их взоры были ой как далеки от дружелюбных.

– Доброго здоровьичка, Евдокия Фоминишна!

На губах улыбка, а в глазах скрытый яд и зависть.

– И тебе доброго, Лукерья.

Мало кто не заметил, как она расцвела и посвежела за последние полгода, превратившись из серой мышки в довольно хорошенький цветок. Второй причиной тихой нелюбви был сам царевич Димитрий Иоаннович. Не допускающий до себя никого из других челядинок и прежних мамок и нянек (даже на свою кормилицу смотрит так, словно она ему чужая!) и резко пресекающий любые чужие прикосновения. А как не тянуться к такому чуду? Большие глазищи затягивают в себя синими омутами, губки что спелые вишенки, золотистая кожа нежна как шелк, волос густой и блестящий, а зубки белы, ну словно жемчужины... Прямо ангел во плоти! Поймав себя на движении, характерном для расчесывания тех самых волос, она поджала губы, чтобы невольно не рассмеяться. Ну да, нравится ей это дело, чего уж скрывать – тем более от себя самой?

А третьей причиной, заставляющей дворцовую челядь нервничать и коситься на Авдотью, было скорое прибытие в Москву кабардинской княжны Гошаней Темрюковны. Гонцы, что привезли эту весть с месяц назад, всем желающим рассказали об изрядной красоте и грациозности сей юной девы, и никто из них даже и не сомневался, чем именно закончатся царские смотрины. Крещением княжны в православную веру, а потом венчанием! Первая жена государя была хозяйкой доброй и милостивой: всем у нее находилось слово ласковое, дело посильное, а к нему и хлеба кусок. Новая же царица еще неизвестно какого нрава будет, к тому же и ближнюю челядь с собой, как это водится, из отчего дома заберет. Значит, кому-то из дворцовых старожилок придется уйти, чтобы дать им место. Кому-то, но только не личным служанкам царской семьи! У царевны Евдокии их аж три, у царевичей Федора и Ивана по две, и только у наследника великого государя всего одна. Пробовали вторую приставить – так он ее словно и не замечает. И это еще хорошо, если просто не замечал. А то у самых докучливых то голова болеть начинала, то кровь носом идти. Поначалу-то народ об этом немало судачил, да постельничий боярин Вешняков живо все длинные языки поприжал. В общем, дело ясное, что дело темное!.. Но, как бы то ни было, Авдотью большая часть верховых челядинок немного недолюбливала.

– Что, уже? Знать, скоро сменят.

Пропустив мимо ушей ворчание отчаянно зевающего сторожа, стоящего в обнимку с бердышом в неприметной нише рядом с дверью в покои царевича, женщина толкнула толстую арочную дверь и проскользнула в приоткрывшийся проем. Прошла сквозь две горницы и одну светлицу, не забыв перекреститься на иконы в крестовой, и замерла на пороге второй

и самой маленькой из светлиц. Мимоходом поправила завернувшийся угол большого персидского ковра на полу опочивальни, тихонечко присев после этого на укрытое мехами ложе. Прислушалась к ровному дыханию, провела кончиками пальцев по своевольной прядке иссиня-черных волос...

– М-му?..

Веки мальчика слегка дрогнули, ненадолго приоткрываясь, тут же успокоенно закрылись, а сам он перевернулся на другой бок. Вздохнул, замер, а потом едва заметно потянулся.

– Потягуше-эчки да растягуше-эчки!..

Под этот ласковый речитатив сонный ангелочек нехотя сел на ложе, свесив голые ноги, чуть привалился к Авдотье и опять задремал – а она, тихонечко засмеявшись, достала из поясного кошелька небольшой гребешок. Некоторое время священнодействовала, медленными движениями приводя в порядок чуть спутавшуюся за время сна гриву упруго-жестких волос. Затем просто пропускала отдельные пряди между пальцами, получая от этого нехитрого действия ни с чем не сравнимое удовольствие... Тихую идиллию прервал сам Дмитрий: внезапно отстранившись и едва заметно дернув головой, он уставился на закрытую дверь. Которая, впрочем, тут же пришла в движение. Мелькнул в образовавшейся щели любопытный глаз, затем створка открылась еще сильнее, и на пороге образовалась рядовая челядинка, держащая на вытянутых руках повседневные одеяния царевича.

– Крестовый дьяк³¹ пришел?

– Нету его пока, матушка.

– Ступай.

Тихо стукнула закрывающаяся дверь, и тут же полетело в сторону одеяло. Юный хозяин покоев нехотя утвердился на ногах, медленно потянулся всем телом (отчего все его ребра весьма четко обтянуло кожей) и, посверкивая голыми ягодицами, прошагал в угол, к нужной бадейке³² и рукомойнику.

Недолго пожурчал, с фырканьем умылся, а по возвращении запнулся о ковер (завернув наружу тот самый угол) и недовольно пробурчал что-то себе под нос. Все с той же недовольной миной на хорошенькой мордашке плюхнувшись рядом с аккуратно сложенной кучкой вещей, он поднял руки над головой. Нательная рубаша из простой камки³³, белые штанишки-портки, штаны из толстого темно-серого фламандского сукна, мягкие замшевые полусапожки, серо-синий кафтанчик с простенькой вышивкой на спине, усыпанный небольшими аметистами золотой крест, дополняющий маленький нательный... В закрытую дверь тихонечко поскреблись, подавая тем самым знак – дьяк пришел и с нетерпением ждет царевича на утреннюю молитву.

– Сплошные жаворонки вокруг!..

Привычно сделав вид, что даже и не слышала никакого бурчания (тем более что она и в самом деле не поняла, при чем здесь эти птички), Авдотья навела порядок на ложе. Приняла и расставила на небольшом столике в соседней комнате несколько блюд из поварни, мимоходом отщипнув себе от каждого из них небольшой кусочек. Напоследок чуть отпила клюквенного киселя – и с обычным для любой женщины умилением наблюдала, как вернувшийся с молитвы Дмитрий аккуратно и очень быстро сметает с тарелок все их обильное содержимое. Да и то сказать: может, он и ел за двоих, зато учился сразу за четверых. А голодное брюхо, как известно, к учению глухо!.. И так эвон какой тощенький.

– Государь мой Дмитрий Иванович, ви готови приступать?

³¹ Священнослужитель, ранним утром и вечером читающий молитвы в крестовой комнате.

³² **Нужная бадейка** – ночной горшок.

³³ **Камка** – шелк.

Засмотревшись на юного господина так, что пропустила появление Арнольда Линзея, женщина непроизвольно вздрогнула, обозвав подкравшегося врачевателя чертом нерусским. Впрочем, себя он величал исключительно доктором медицины и астрологии и требовал того же от дворцовой челяди и не сильно знатных пациентов. Согласный поклон маленького ученика, и уже через несколько мгновений в светлице зазвучала чужеземная речь, редко перемежаемая понятными ей словами, а также скрипом гусиного пера по бумаге и шорохом перелистываемых страниц. Где-то спустя примерно полтора часа, заполненных исключительно скукой и сонливостью (для служанки, понятное дело), личный царский врачеватель закруглился, напоследок выдав длинную фразу на своем неприятно-лающем языке и потыкав пальцем в принесенную с собой книгу.

– Ja, de laar³⁴.

Вежливый ответ вкупе с уважительным поклоном явно подняли настроение выходца из далекой Фландрии. Между прочим, и без того очень даже не низкое – во-первых, потому что за уроки ему платили дополнительно. Во-вторых, юный принц крови проявлял неподдельный интерес к сложной науке врачевания тел человеческих, с первого раза запоминая все его лекции, – а перед этим, словно бы мимоходом, всего за месяц научился понимать на слух родной для голландского медикуса язык (разумеется, и те уроки принесли ему некую толику полновесного серебра). А еще, пользуясь случаем и щедростью московского властителя, Арнольд заказал у знакомых купцов десяток списков³⁵ довольно дорогих трактатов. Большую часть из них, конечно, впоследствии придется отдать в жадные руки казначея... Но вот одну, довольно редкую арабскую инкунабулу «О движении тел небесных» он рассчитывал оставить полностью в личном пользовании. Наверное, еще именно поэтому его ответный полупоклон и прощальная улыбка были полны самых искренних чувств. Все же, что ни говори, положение царского медикуса дает немало приятных возможностей!..

– Испить?

Проводив высокомерного чужеземца прочь, обратно Авдотья вернулась с кувшинчиком, до краев полным сладкого ягодного морса. Звонкоголосой струей плеснула в небольшой деревянный кубок, поднесла и с удовольствием заметила, как ей в ответ благодарно кивнули. В передней громко хлопнула дверь, и личная служанка тут же засобиралась на выход: из всех наставников царевича только двое не обращали на ее присутствие никакого внимания. Недавно ушедший Арнольд Линзей, который смотрел на нее как на пустое место. И царский аптекарь Аренд Клаузенд, – но до уроков этого во всех смыслах достойного господина (с государева согласия потихонечку пользующего почти всю верховую челядь своими чудесными мазями и порошками) был остаток утра, весь день и некоторая толика вечера. Остальные многомудрые мужи не терпели никого постороннего на своих занятиях, а тихонечко сидеть в соседней светлице и слушать, как тот же духовник наставляет своего подопечного в Законе Божием, а потом читает вслух Благоую весть³⁶ на греческом... Нет, это было не по ней. Хотя, надо признать, рассказы тех же посольских дьяков об иноземных нравах и обычаях были довольно интересными. Жаль только, что в последнее время и они все больше и больше начинали звучать на татарском да гишпанском³⁷ языках. Пользуются тем, что Дмитрий Иванович на них не жалуется, ироды этикие, и наваливают на него раз от раза все больше и больше!..

– Сегодня, сыне мой, взалкаем слова Святителя Иоанна Златоуста. Эм?... Пожалуй, вот с этой главы и до следующей. Чти, отрок.

³⁴ Да, учитель (гол.).

³⁵ Список – рукописная копия.

³⁶ Евангелие.

³⁷ Испанский.

Впрочем, благодаря такой занятости царевича у нее всегда была возможность и время зайти в дворцовые мастерские, навестить знакомых вышивальщиц и прочих мастериц. Или вместо этого вдосталь поболтать с немногочисленными подружками – дело нужное и очень важное для любой обитательницы Теремного дворца. Так что, оставив за спиной едва слышно покашливающего Агапия и шелест перелистываемых страниц, она неспешным шагом спустилась в поварню для легкого перекуса. Затем дошла до швей, где весьма приятно провела время за обсуждением новой летней одежды для царевичей и царевны (растут прямо на глазах, а уж ее Митенька в особенности!), напоследок полюбовавшись затейливой многоцветной вышивкой на почти готовой большой плащанице. Затем вернулась на третий поверх³⁸ дворца, едва разминувшись в дверях с дьяком из Разрядной избы³⁹, важным, словно целый думный боярин. Постояла в крестовой, прислушиваясь к тихому пыхтению из соседней комнаты. Покивала сама себе – царевич как обычно проказничал, таская на руках тяжеленную книгу из своей порядком разросшейся либерей⁴⁰. Еще, бывало, на полу по-всякому катался, приседал по полсотни раз подряд – ерунда, конечно, но раз ему это нравится!.. Тем более что она о таких забавах никому и в жизнь не скажет, а кто другой их просто не увидит – потому что царевич всегда чувствовал чужое присутствие рядом с собой. Довольно быстро это подметив, она так никому про такое чудо и не поведала: ведь доверие юного господина заслужить трудно, зато потерять легче легкого... Очнувшись от мыслей, Авдотья глянула в окошко и быстро-быстро зашагала в поварню, поругивая себя за невольное опоздание. Отвела душу, крутанув ухо попавшемуся под руку службе, чуть не отдавившему ей ногу (вот растяпа!), после чего лично отведала с каждого блюда, предназначенного ее господину. Проконтролировала доставку обильного полдника в покои, где очередную, и на сей раз последнюю, пробу снял специально приставленный для этого дела ключник. Все ушли, и тут же на вкусные запахи пожаловал ее Митенька – полыхающий ярким румянцем, чуть-чуть запыхавшийся и безмерно довольный. А еще с таким волчьим аппетитом, что любо-дорого было смотреть, как исчезает выложенная на поставце⁴¹ снедь. Вот ведь как оголодал со всех этих премудростей, соколик!.. Беззвучно вздохнув, она тихонечко покачала головой. Какое уж тут у наследника детство, коли он с утра до вечера пером скрипит да за книгами глаза портит? Другие-то детки (даже царевич Иван!) день-деньской на свежем воздухе бегают-резвятся, несмотря на позднеапрельскую грязь, будь она неладна!..

– Спаси бог.

Негромко прозвучавшее слово благодарности и легчайшее поглаживание руки одним махом вымели из ее головы все безрадостные мысли. Редко, очень редко царевич говорил что-то не в ответ на прямой вопрос (и то вопрошающему для этого надо было немало постараться). И еще реже прикасался к кому-то по своей воле. Когда же он, допив до доньшка свой ореховый сбитень, ушел на послеобеденный отдых (поди, опять будет подаренную владычным митрополитом книгу листать!), Авдотья недоверчиво покосилась на собственную ладонь, все еще ощущающую тепло мимолетного прикосновения, как-то рассеянно собрала посуду в одну стопку и... Присела. Чуть больше года назад она была всего лишь одной из дюжины комнатных боярышень царицы-матушки Анастасии Романовны. И даже не смела и мечтать, что так резко возвысится. Потому как у Дмитрия и без того уже все было: и няньки с мамками, тетешкавшие его с самого рождения, и две личных служанки, баловавшие ребенка едва не больше нянек, а на пятом году жизни появился и опытный дядька⁴². И все было хорошо... Пока на одной

³⁸ Этаж.

³⁹ Совместно с Бронным, Пушкарским и Стрелецким приказами выполнял функции, аналогичные современному Министерству обороны.

⁴⁰ **Либерей** – библиотека.

⁴¹ **Поставец** – небольшой столик для еды.

⁴² Наставник малолетнего царевича в воинских искусствах и верховой езде.

из выездок⁴³, когда семилетний всадник уже проехал первый десяток кругов на своей любимой кобылке, она вдруг неведь чего испугалась и резко взбрыкнула. Чего уж там ей почудилось? Поначалу не разобрались, а потом поздно стало – великий государь, разгневанный случившимся, предал лютой казни дядьку и двух конюхов, а вместе с ними лишилась головы и гнедая Рябинка. Нянек и мамок матушка-царица усала от мужнина гнева в Коломенское, а ее определили вместо них. Временно, конечно, пока отцовское сердце не остынет да мальчик от недуга не оправится. И кормилицу Дмитрия Ивановича тоже оставили при нем. Время шло, лекари бессильно разводили руками, ярился и тосковал государь. А потом занедужила сама царица...

Воспоминания и все связанные с ними переживания пришлось резко обрывать – по причине прихода дородного дьяка Посольского приказа. Брезгливо глянув на подскочившую и тут же склонившуюся в неглубоком поклоне Авдотью, мельком покосившись на грязную посуду (и тем самым без всяких слов укорив ее в преступной праздности), он величаво прошествовал мимо. Густо покраснев и встревожившись возможными слухами, девушка самолично снесла невысокую стопку серебряных блюд обратно в поварню. Немного поела сама (настроение такое было, что и кусок в горло не лез) и долго молилась, успокаиваясь, в Благовещенском соборе. Вернулась назад вовремя, как раз чтобы увидеть довольную улыбку уходящего из покоев царевича господина Аренда Клаузенда: тяга царственного ученика к знаниям голландского фармацевта весьма и весьма воодушевляла (как, впрочем, и новенькие серебряные талеры, которые он получал за свои дополнительные труды). Перехватила у подошедшей челядинки поднос со скромной вечерей, дождалась ключника, нехотя отщипнула и отпила сама... Чем ближе была ночь, тем медленнее тянулось для нее время. Или, может, наоборот, тем сильнее становилось ее нетерпение? Появился и через четверть часа громогласной молитвы ушел крестовый дьяк, коего замерший перед образами царевич едва ли слышал. Шушукались в передней две челядинки, пришедшие забирать в полотняную казну⁴⁴ сегодняшние одеяния Дмитрия, тихо ходила по опочивальне она сама, готовя комнату и ложе к его скорому приходу.

– У-ух!

Появился, уставший, чуть осунувшийся и с едва заметными тенями под глазами. Сладко зевнул, потянулся, еще раз коротко зевнул и встал перед ней. Тихо затрещали в умелых руках серебряные пуговицы, опал на ковер серо-синей кучкой материи кафтанчик, легли рядом сапожки, повис, покачиваясь на опущенной вниз руке, золотой крест...

– А ну-ка поживее, бездельницы!..

Стоящий в одной нательной рубашке наследник раздраженно тряхнул гривой волос, молчаливо подгоняя замешкавшихся было за сбором одежды девушек. Благожелательным взглядом встретил еще одну, явившуюся, чтобы налить в рукомойник горячей воды. И с едва заметной смешинкой в глазах проследил, как его личная служанка энергично освободила спальню от всех трех челядинок. Тут же без всякого смущения скинул с себя тонкий шелк, перетерпел быстрое обтирание тела смоченным в рукомойнике рушником и с отчетливым возгласом облегчения упал на расстеленное ложе.

– Уф!!!

Словно сам собой появившийся в руке Авдотьи гребешок легкой птицей заскользил по своевольным черным прядям засыпающего прямо на глазах мальчика, а на душе стало легко-легко. Как же она любила минуты такой вот безмятежной тишины...

⁴³ Выездка – обучение (дрессура) верховой езде.

⁴⁴ Одежды царской семьи хранились (и охранялись) наравне с драгоценной утварью. Отчасти из соображений безопасности, а отчасти потому, что они и в самом деле имели немалую ценность из-за многочисленных украшений и золотого шитья.

Глава 5

– Ногу вперед!.. И локоток на пядь повыше. Вот так.

Сшсих-ссию, сшсих!

– Три шага на меня!

Ссиюу-сшсих-сших-сшдонн!

Изогнутый булатный клинок «детской» сабли наследника, обиженно прозвенев, отлетел в сторону. А боярин Канышев, скупым движением отмахнувшийся от его последнего удара, тут же нанес свой, примерно в треть настоящей скорости. Сшдонн! Ссиюу-шихх!..

Словно легкую пушинку крутанув в руке тяжелую карабелу⁴⁵, боярин уложил ее на плечо, заученно-бездумным движением кисти отвернув от шеи тупую елмань⁴⁶. Не менять же ему привычки из-за того, что в руке учебное оружие! Огладил короткую бородку, поглядел, как стоит мальчик, и одобрительно хмыкнул – похоже, его наука все же пошла тому впрок. Опять же из трех последних ударов царевич один отбил, а от двух смог (ну да, подыграл он ему чуток, подыграл!..) уклониться, а значит, не все так безнадежно, как думалось...

– Хорошо. Теперь, Димитрий Иванович, поиграй-ка малость сабелькой. До первой испарины, а потом, как передохнешь, еще и с копьем потрудимся.

Канышев мельком глянул на майское солнышко, определяя время, пару минут понаблюдал за учеником, усердно повторяющим весь невеликий набор уже освоенных ударов и обманных ухваток, после чего перевел взор на недавнее пополнение. Перевел и тут же тихо вздохнул – вот уж не было печали!..

– Резче замах, Петр! Ты плечом вот так!..

Сшшии!

Тоненько свистнул распластанный воздух.

– Тогда и удар добре выйдет.

Единственный сын думного боярина и большого воеводы князя Горбатого-Шуйского понятиливо кивнул, продолжая срубить изогнутой дубовой «саблей» тонкие ветки ивняка. Рядом с ним делал то же самое Тарх, сын вроде как опального окольного Данилы Адашева. Впрочем, без всяких там «вроде» – хотя младшего брата некогда всесильного Алексея Адашева и спасли от скорой плахи былые заслуги (особенно был удачен его последний поход на крымчаков – ох и славно тогда их побили да пограбили!), но от двора был отлучен и отправлен на Ливонскую войну простым подручным воеводой. А там ему отрядец дали – курам на смех! Потому как тремя сотнями поместной конницы ни напасть как следует, ни оборониться от врага. С другой стороны... Раз сына до наследника допустили, значит, могут и простить?.. Разумеется, если Адашев не только выживет, но и каких-никаких побед себе добудет.

– Мягше, мягше отбивай, а то враз десницу себе отсушишь.

Совет немного запоздал, потому как старшенький князя Ивана Мстиславского, девятилетний Федор, как раз страдальчески сморщился, пережидая ноющую боль в правой руке. Напротив него сверкал довольной улыбкой Андрей Шуйский, а его брат Василий увлеченно пытался достать своего тезку, а заодно и дальнего родственника Ваську Скопина-Шуйского. Ну и в самом углу небольшого дворика...

– А ну охолони!..

Троюродный брат его основного ученика, княжич Василий Старицкий остервенело махал деревяшкой, пытаясь отплатить другому княжичу, Семену Курбскому, за увесистый удар по

⁴⁵ **Карабела** – тип сабли, распространенный среди польской и литовской шляхты.

⁴⁶ Расширение в верхней трети клинка (от острия), служит для усиления инерции рубящего удара, а также нанесения колющего удара особым способом.

шелому. Уже второй раз подряд пропущенный, между прочим, отчего ему было особенно обидно.

– Вы куда смотрите, ротозеи!!! Плетей захотели?!

Трое постельничих сторожей, помогающих боярину следить за учебным процессом (не самому же ему новые ветки ивняка ставить да убирать изрубленные), и без того уже навели порядок. Но все равно виновато потупились. Потому как знали – случись что, никто из родителей родовитейших мальцов не будет разбираться, кто именно недосмотрел, разом всех на дыбу отправят. А вот там их уже и поспрашивают с огоньком да пристрастием, когда они злодейство свое умыслили, да кто в пособниках числится, и нет ли за ними еще каких грешков...

– Так. Ты становись против Петра, а ты взамен него прутняк секи.

Юный Курбский, сияя довольной улыбкой, тут же развернулся к новому противнику. А княжич Старицкий с явным раздражением поправил шелом, перекосившийся от энергичных взмахов, и отправился вымещать поднакопившуюся злость на гибких ветках ивняка. Канышев окинул малолетних учеников внимательным взглядом, отмечая первые признаки приближающейся усталости, довольно ухмыльнулся и вернулся к своему подопечному. Вот уж кто ни разу не устал – даже, наоборот, слегка прибавил скорости! Что же, значит, пришла пора подобрать ему клинок потяжелее.

– Два шага на меня.

Сшшдон! Сшшии-ссшшдон!

Лениво атакуя и аккуратно отбивая детские удары, боярин терпеливо ждал, пока наследник запыхается от взятой им скорости. Ничего особенного, конечно. Для него. Удар – отбив, ложный мах с переводом в ноги, опять удар, слегка чиркнувший по выставленной вперед ноге...

– Хм?!

Несложный финт, в конце которого прозвучал легкий булатный звон, еще пара ударов – и боярин сам отошел назад, с интересом разглядывая царевича. Повод для такого интереса у него был, причем немаленький: еще на первом занятии он выяснил, что саблей будущий царь владел откровенно плоховато. Даже, пожалуй, не плохо, а вообще никак – словно бы и не учил его клинку с пяти лет опытный в воинском деле дядька. Кхм... Царствие ему небесное и вечный покой. М-да. Конечно, Аким помнил о долгой болезни Дмитрия Ивановича, но даже так хоть что-то да должно было остаться у отрока от прошлой науки? Тем более что царевич как ученик был ну просто диво как хорош: руки длинные, запястья сильные, сам сообразительный, старательный, не капризный (чего он втайне очень опасался) и с такой выносливостью, что аж завидки брали. Особенно вспоминая себя в таком же нежном возрасте.

– Еще раз.

Ссиюу, ссшшдон-динь!

А теперь, как выяснилось, еще и глазастый. Потому что такого низового отбива он еще не показывал. Зато тот сам мог его увидеть – когда они с десятником постельничей стражи чуток позвенели клинками, разгоняя застоявшуюся кровь.

– Неплохо.

Канышев вновь отошел назад, вскидывая карабелу на плечо, еще раз оглядел ученика и сделал знак помощникам, чтобы они поднесли отроку легкую детскую рогатинку⁴⁷.

– Готов, Дмитрий Иванович?

Если саблей наследник владел весьма посредственно, то с копьем был очень хорош. Загудел-засвистел в воздухе наконечник из мягкого железа, пробуя на крепость левое плечо, бедро, голову, правый бок, ноги... Боярин же аккуратно отмахивался, время от времени подправляя

⁴⁷ **Рогатина** – русское тяжелое копьё для рукопашного боя или охоты на крупных зверей. Отличается широким, длинным обоюдоострым наконечником.

то или иное движение и делая мелкие замечания, когда вместо очередного укола царевич как-то несуразно крутнулся на месте и очень шустро махнул копьём сверху вниз:

Тук-кряк!!!

Шлеп!..

На утопанную землю упал изрядно погнутый наконечник с торчавшим из втулки куском обломившегося древка, сам мальчик сунулся вниз, неловко упав на колени, а его наставник довольно заулыбался, вкладывая саблю в ножны:

– Хорош, ай хорош удар получился!.. Было бы доброе железко⁴⁸ на копьёце – так и лег бы оземь!

Подскочившие помощники сняли с поднявшегося на ноги царственного отрока тягилый⁴⁹ с шеломом, легкие наручи, а на отходе еще и подобрали сломанное ратовище. Получив столь явный знак к окончанию занятий, довольно загомонили остальные ученики, бросая свои деревянные прямо на землю. Тут же рядом с ними возникли слуги, принимающие на руки плотные стеганки, вспыхнул и сразу угас короткий спор – кому первому освежиться поднесенным с ледника квасом... Собственно, и спора-то как такового не было – отпрыски многочисленного клана Шуйских сразу продемонстрировали свою сплоченность, оттеснив от большого кувшина всех остальных. А затем явили свои же внутренние разногласия, когда братья Андрей и Василий дружно надели на представителя старшей ветви рода, семилетнего Василя Скопина-Шуйского, которого тут же поддержал двенадцатилетний Петр. После чего (собственно, как и обычно) дело закончилось ничем. Вслед за клановой четверкой испил недовольный Василий Старицкий (по знатности рода первым должен быть он!), затем как следует приложился княжич Мстиславский, после него вдоволь утолил жажду Курбский... Оставив безродному Адашеву всего пару капель на самом доньшке. Ему и того достаточно!

Не показывая обиды, Тарх облизнул сухие губы и тихонечко отошел в сторонку, а наблюдающий за всей этой картиной Дмитрий мелкими глотками допил квас, чуть подумал и протянул стаканчик своему стольнику⁵⁰, держащему на руках личный «царский» кувшинчик. Тут же получил потяжелевший от янтарно-золотистого напитка стакан обратно, потряхнул растрепавшейся гривой волос и, не повышая голоса, позвал:

– Адашев.

Встал как вкопанный Федор Мстиславский, до этого шагавший вслед за тесной компанией Шуйских. Притормозил идущий рядом с ним княжич Старицкий, заинтересовался вдруг остатками недорубленного ивняка Семен Курбский...

– Пей.

Изрядно удивленный и обрадованный (до этого дня старший из царевичей предпочитал сверстников не замечать или глядеть как на пустое место), Тарх со всем почтением принял обычный деревянный стаканчик, одним махом выдул его содержимое и с низким поклоном вернул – свое место он знал очень четко.

– Благодарствую, Димитрий Иванович!..

Чуть улыбнувшись в ответ, наследник перебросил стаканчик в руки стольника, затем едва заметно кивнул на стоящих невдалеке от него княжат, буквально прожигающих завистливо-раздраженными взглядами юного Адашева.

– Терпение есть добродетель мудрых.

⁴⁸ Стальной наконечник копья или рогатины.

⁴⁹ Вид защиты – длиннополый кафтан с высоким стоячим воротником, простеганный пенькой и набитый конским волосом.

⁵⁰ **Стольник** – придворный чин, занимался обслуживанием трапез. Наследнику полагалось от пяти до двадцати стольников.

Опять тряхнул головой, убирая тяжелые пряди с лица, и зашагал к Теремному дворцу, сопровождаемый сразу двумя постельничими сторожами, – а за его спиной озадаченный Тарх пытался сообразить, что именно ему сейчас сказали.

Дмитрий же шел и наслаждался теплым майским солнышком и легким ветерком, мечтая о хотя бы небольшом загаре. А заодно думал о родовитых детях, коих ему настойчиво подсовывали в качестве сотоварищей по занятиям и играм. Даже очень настойчиво, ибо думные бояре и князья заранее беспокоились о благополучии своих родов, разными путями (желающих-то было с превеликим избытком!) подводя старших сыновей поближе к наследнику престола Московского. А младшеньких пристраивая в свиту уже к царевичу Ивану – мало ли как жизнь повернется! Опять же чужаков да худородных всяких не допустить до власти – тоже не последнее дело. Места у подножия трона да на лавках боярской думы ой как мало, бывает, и своим не хватает! Одна только проблема была у искушенных во всех и всяческих интригах придворных: первенец великого государя вел себя так, будто у него и вовсе никакой свиты не было. То, что не разговаривал с ними, еще ладно – всем известно, какой он молчун. Но ведь наследник даже и не улыбался в ответ на шутки и разную детскую кутерьму! Равнодушно отворачивался, когда ему предлагали позабавиться с луком, поиграть в бирюльки⁵¹ или там лапту⁵². Не судил местнические⁵³ споры среди ровесников... Да он вообще никак с ними не общался!..

«Представляю, какая волна пересудов и слухов пойдет после сегодняшнего. Как же, сам подозвал и угостил! Да и Адашева, поди, теперь не только от кувшина с квасом будут отгеснять – вообще все подходы ко мне перекроют, так сказать, во избежание».

На самом деле огорчение высшей московской знати насчет того, что их детей не замечают, было не вполне справедливо. Давно уже и заметили, и оценили, и даже определили основные личностные черты, составляющие самую суть характера. Да что там, их уже даже поделили на две неравные части: в первую вошли все тот же Тарх, Петр Горбатый-Шуйский, Федор Мстиславский и Василий Скопин-Шуйский. Во вторую – сын будущего «побегушника» и предателя князя Андрея Курбского и оба брата Шуйских. И совсем отдельно стоял троюродный брат княжич Старицкий, насчет которого были определенные сомнения...

– Димитрий Иванович!

На подходе к дворцовому крыльцу его окликнул окольный и оружничий⁵⁴ Лев Салтыков.

– Прими небольшой дар, не побрезгуй.

Служка, выскользнувший из-за спины хранителя и распорядителя царской оружейной казны, с низким поклоном передал одному из постельничих сторожей звякнувший металлом сверток. Тот, в свою очередь, глянул на царевича, после разрешающего кивка в три движения раскидал в стороны грубую холстину и тут же чуть-чуть наклонился, демонстрируя наследнику перевязь, в кармашках-ножах которой покоились девять одинаковых швырковых⁵⁵ «рыбок» из полосатого дамаска. Вытянутые жала узких лезвий, короткие рукояти, обмотанные грубым витым кожаным шнурком, отличный баланс... Чем старше становился наследник, тем взрослее (и дороже) становились и его игрушки. Кстати, ценности им добавляло еще и то, что вручать подарок пришел лично оружничий – вместо того чтобы прислать его (как и было заведено) с одним из своих людишек. Впрочем, никакой загадки этому и не было: окольный, помимо всего прочего, был счастливым отцом сразу трех сыновей. И если его старшенький уже два

⁵¹ Старинная русская настольная игра.

⁵² **Лапта** – старинная русская командная игра с мячом и битой.

⁵³ Система феодальной иерархии, когда место человека определялось с учетом его происхождения и служебного положения предков. Попасть в подчинение тому, кто ниже «местом», считалось большим позором.

⁵⁴ Высокий придворный чин, заведующий царской оружейной казной.

⁵⁵ **Швырковые «рыбки»** – метательные орудия (ножи).

года как ходил в рындах⁵⁶, а младшенький еще жил на женской половине дома, то средний сын как раз подходил по летам, чтобы дополнить собой свиту первенца великого государя. Ну или стать ближним подручником⁵⁷, начав службу при будущем царе с выполнения мелких поручений. Невелик труд – изредка стремя поддержать, выдрать из мешка с сеном меткие стрелы да вернуть их в колчан наследника, за чем иным сбегать... Да мало ли! Зато всегда на глазах, всегда при деле, а со временем – и рядом с троном.

– Благодарствую.

Мимолетно прикоснувшись к одному из ножей и обозначив тем самым, что подношение принято, Дмитрий кое-что вспомнил. Кое-что, о чем он давно уже подумывал, выгадывая удобный момент. Как раз вроде нынешнего! Уверенным движением руки забрав с пояса постельничего сторожа боевой нож (из-за чего тот едва заметно дернулся), он подошел к Салтыкову. Весьма разочарованный неподдельным равнодушием, с коим приняли его дар (между прочим, не только красивый, но еще и очень дорогой!), оружничий едва заметно насторожился, одновременно сделав немного вопросительное лицо.

– Нет ли у тебя похожего, но лучше?

Осторожно приняв небольшой клинок с едва заметно потертой рукоятью, придворный недолго повертел его в руках, одновременно пытаясь понять, что именно от него желают услышать.

– Как не быть! Есть с золотым узорочьем на ножнах, с драгоценными камнями на рукояти...

– Не то. Просто хороший нож.

– Найдется и такой, Дмитрий Иванович.

Забрав клинок и неожиданно ловко перехватив его за лезвие, царевич отвел руку назад – и подоспевший дворцовый страж тут же бережно забрал свое оружие. А девятилетний мальчик немного наклонил голову, спокойно разглядывая взрослого и изрядно умудренного жизнью боярина, помолчал, а затем слегка отстраненно произнес:

– Я помню, как ты присягал мне на верность.

Салтыков поперхнулся воздухом, впадая в кратковременный ступор. Действительно, такая присяга имела место – восемь лет назад, когда Иоанн Васильевич тяжело занедужил. Так тяжело, что никто уже и не верил, что он оправится и встанет со смертного одра. Великий князь тогда потребовал от думских бояр и ближнего круга присяги своему шестимесячному сыну. Многие отказались, еще больше было тех, кто поглядывал на Андрея Старицкого, видя в нем следующего великого князя, – а вот он и еще некоторые из Избранной рады беспрекословно прошли крестное целование на верность. Потом... Потом государь неожиданно для всех выздоровел, и сомневающиеся тут же передумали. Только уже было поздно: не стало меж ними и царем прежнего доверия, и милостивая царица-заступница Анастасия тоже перестала печаловаться⁵⁸ об опальных боярах да князьях.

– Надеюсь, Михаил будет так же хорошо служить мне, как ты сам – моему батюшке.

Оружничий невольно дернул головой под удивительно властным взглядом необычно ярких синих глаз. Словно сама собой мелькнула мысль: «Царская кровь!..»

И только потом пришло изумление – наследник знает имя его среднего сына?.. Провожая удаляющегося царевича почтительным (причем без всякого притворства) поклоном, Лев Андреевич стряхнул непонятную одурь (а скорее оторопь) и прямо на месте стал прикидывать, как половчей представить Мишку его будущему повелителю. Собственно, самое простое – это подождать, пока он опять будет возвращаться со своих воинских забав. Опять же и повод хоро-

⁵⁶ **Рында** – оруженосец-телохранитель при великих князьях и царях.

⁵⁷ **Ближний подручник** – порученец, доверенный слуга.

⁵⁸ Официально ходатайствовать о смягчении наказания. Еще такое право было у митрополита Московского и всея Руси.

ший имеется – малец поднесет Димитрию Ивановичу тот самый боевой нож, на который ему так недвусмысленно намекнули. Боярин, полностью ушедший в свои мысли, даже не замечал, как за ним следят с одной из открытых галерей Теремного дворца. Синие глаза сияли холодным любопытством, длинные ухоженные пальцы привычно откинули прочь от лица непослушную черную прядь...

«Хорошо же я загрузил Салтыкова – стоит на солнце да в одну точку пялится. Как там молодые говорили, в прошлой жизни? Полный разрыв шаблона».

– О Боже, ты – Бог мой! Тебя взыскую от утренней зари, тебя возжаждала моя душа, по тебе томится плоть моя, в земле пустынной, и сухой, и безводной!

Начало шестидесят второго псалма у митрополита Московского и всея Руси Макария вышло особенно прочувствованным – Дмитрий неслышно вздохнул и тихо-тихо сглотнул, сожалея о невозможности «вот прямо щас!» отпить чего-нибудь теплого и бодрящего. В идеале – кофе с молоком и парой ложечек сахара, но и сбитень тоже вполне подошел бы.

– С именем твоим вознесу руки мои: словно туком и елеем насытится душа моя, и гласом радости восхвалят тебя уста мои, когда вспомню о тебе на постели моей; поутру помыслию о тебе...

Кстати, насчет мыслей поутру. Несмотря на то что он давно уже втянулся в распорядок дворцовой жизни, с его ранними побудками и не менее ранними отходами ко сну, подъем в несусветную ночную рань, да еще и воскресным днем (единственным, когда он вдоволь мог позаниматься своими делами, отдыхая от многочисленных учителей), бесил его просто неимоверно. Нет, никто не возбранял ему (да и другим царским детям) по окончании заутрени вернуться в свои покои и пару-тройку часов подремать, добирая упущенное время, – да только эту возможность самым наглым образом саботировал родной организм. Встал? Проснулся? Все, пока не наберешь должного уровня телесной усталости, не измотаешь средоточие тренировок, не нагрузишь разум размышлениями, – сон тебе заказан. Такой вот побочный эффект его скрытых возможностей. Впрочем, он и не думал жаловаться или негодовать на судьбу – наоборот, неустанно ее благодарил. Жить заново было так... Восхитительно!..

Переступив с ноги на ногу, Дмитрий мимолетно погладил прижавшегося к нему Ивана кончиками пальцев по шее – на что тот сразу оглянулся и на всякий случай оправдательно шепнул:

– Я не спю!

– Шш! Верю.

Старший из царевичей скосил глаза налево, где малолетняя Евдокия блестящими от любопытства глазами следила за каждым движением отправляющего службу митрополита (а вернее, за удивительно причудливыми переливами света на его вышитых золотом одеяниях). Затем – вправо, но брат Федор, пользуясь своими малыми летами, откровенно и очень сладко спал. Правда, справедливости ради надо отметить, что делал он это с приоткрытыми глазами (талант!), жарко и абсолютно неслышно посапывая прямо в ухо держащего его на руках дядьки. Опять вздохнув, первенец царя немного поменял положение ног и тела, удержав встрепенувшегося было Ивана. С новой позиции видно было гораздо больше: например, его дорогих двоюродных дядюшек, стоящих чуть поодаль от него (но все же ближе всех) тесной сплоченной группой. Уже знакомый любитель пухлых щечек Никита Романович, рядышком еще один окольничий и боярин (а еще и воевода) Данила Романович, а слева его подпирал плечом тоже дядя, но на сей раз троюродный – Василий свет Михайлович Захарьин. Родственнички, блин... Ладно бы только они – так нет, еще и со своими отпрысками, кои отчего-то настойчиво хотели стоять не рядом с родителями, а поближе к сверстнику-родственнику из правящей династии. Как будто мало ему того, что они начали появляться на его занятиях с боярином Канышевым! Впрочем, надо признать, что один положительный момент в их появлении все же был: ведь

клан Захарьиных-Юрьевых моментально нашел общий язык с кланом Шуйских. Язык ругани и насмешек! Так что теперь он не только учился сабле и копьё, но и время от времени смотрел натуральный цирк, попутно запоминая весьма интересные подробности придворных взаимоотношений. Где взрослый промолчит, ребенок обязательно что-нибудь да ляпнет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.